

АГЕНТ

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

ГРУ

Эта серия книг охватывает историю формирования и деятельности
СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ
ГЛАВНОЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ШУТ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ТРИЛЛЕР, НАПИСАННЫЙ ВОЕННЫМ РАЗВЕДЧИКОМ

Александр
ШУВАЛОВ

Агент ГРУ. Триллер, написанный военным разведчиком

Александр Шувалов

Шут специального назначения

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шувалов А.

Шут специального назначения / А. Шувалов — «Эксмо»,
2017 — (Агент ГРУ. Триллер, написанный военным разведчиком)

ISBN 978-5-699-90966-7

Окончив цирковое училище и не найдя работы по специальности, профессиональный клоун и по совместительству вор Толя по стечению обстоятельств попадает на службу в ГРУ. Разведке требуются специалисты, обладающие специфическими навыками. За годы службы Толя объехал полмира, успешно участвуя в самых необыкновенных операциях. Когда же «сверху» поступил приказ о сокращении штатов, опытный офицер оказался не у дел. Но Толя не растерялся: своему уникальному опыту разведчика-эксцентрика он нашел неожиданное применение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90966-7

© Шувалов А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Вступление	5
Часть первая	9
Глава 1	11
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	33
Часть вторая	36
Глава 11	39
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	47
Глава 15	49
Глава 16	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

АГЕНТ
ГРУ

Александр Шувалов

Шут специального назначения

*Клоун – это артист, который в цирке играет роль человека.
Казимеж Сломиньский, поэт и филолог*

Вступление

Встретиться и переговорить было нужно, да что там, просто необходимо обоим. Еще Бисмарк настоятельно не советовал вести войну более чем на один фронт. А получалось с точностью до наоборот. Каждый из этих российских бизнесменов был вынужден сражаться за собственное выживание с резко изменившимися правилами игры государством и в то же время в любую минуту ожидать удара в спину от бывшего компаньона и даже приятеля. Ну, и сам, конечно же, держать острый нож наготове, чтобы не оплошать при первом же удобном случае. Так что встреча, повторяю, была необходима и тому и другому. Именно поэтому она несколько раз была на грани срыва.

Бывшие поделщики слишком хорошо знали друг друга и, кроме того, привыкли судить о людях по себе. Поэтому ожидали от противоположной стороны каких угодно подстав, разводов и даже откровенных подлянок. Процесс переговоров о randevu с глазу на глаз шел тяжело и с диким скрипом. Легче, казалось, было бы нашему гаранту Конституции заскочить на огонек к закланному стратегическому партнеру в Вашингтон, перетереть наболевшие проблемы и просто так о жизни покалякать. Или тому, возвращаясь из Мексики домой, завернуть по дороге в Москву.

И вот, свершилось. В заштатной гостинице на окраине, где номера не стесняются сдавать на часок-другой, пересеклись наконец двое уважаемых людей. Еще недавно уверенно занимавших плацкарты в середине второй сотни отечественного «Форбса», а ныне в этих «Веселых картинках» без иллюстраций позорно отсутствующих. И потерявших много позиций в другого рода деятельности, краткое описание бизнес-планов которой можно запросто прочесть в УПК.

– Ну, здравствуй, что ли, друг сердечный! – с ласковой ухмылкой произнес толстый персонаж. Впредь и будем именовать его толстым.

– И тебе не хворать, – бодро отозвался некто очень толстый. – Какая, блин, встреча!

Две пухлые ладошки коснулись одна другой в чисто символическом рукопожатии, после которого оба с трудом преодолели искушение пересчитать количество оставшихся на руке пальцев. Собеседники с некоторой опаской приземлились в кресла. Удачно, мебель не пострадала, сиденья не застряли. И некоторое время просто сидели молча. Когда-то, всего лишь двадцать лет назад, они умели понимать друг дружку без слов. И обоим было крайне интересно, сохранилась ли эта способность.

– Такие вот дела, – изрек наконец толстый.

– И не говори, – отозвался сидящий напротив.

Раскрыл портфель, извлек сверток и выложил на журнальный столик между ними.

– Это тебе.

– Что это?

– А ты открой.

– Ладно, – толстый развязал ярко-красную ленточку и разорвал цветную бумагу. На столик легла картонная, выцветшая до полной потери первоначального цвета конфетная коробка. – Что это? – удивленно повторил тот.

– То, за чем твои люди сто лет охотятся и все никак найти не могут.

– Да ладно!

– Прохладно, – в рифму ответил очень толстый. – Разверни и посмотри.

– Ни хрена себе! – вырвалось у его визави. Торопливо пробежался взглядом по содержимому: пожелтевшие листы бумаги, фото, магнитофонные кассеты. Привет из далеких девяностых. – Получается...

– Получай и владей, – его собеседник прокашлялся. – А ту хилую «компру» на меня, что хранится в одной банковской ячейке, можешь в качестве ответной любезности не возвращать.

– Это почему еще?

– Я ее больше не боюсь. Да и ты, друг любезный, вряд ли успеешь запустить ее в дело.

Толстый не стал задавать любимый вопрос: «Это почему еще?» Без всяких слов было понятно, что времени у обоих осталось не так и много и оно работает против них.

Уж больно много всякого и разного произошло за последние дни и месяцы. «Крым ваш!» – объявили электорату, а тот, вместо того чтобы тупо прыгать от восторга, как те, что к югу от севера, вдруг сморщил лоб и пристально глянул наверх, нехорошо прищурившись. И возникла серьезная угроза превращения безмолвного и безответного быдла под вышеупомянутым импортным названием в народ.

Возможно, наверху что-то наконец поняли, а может, совесть у них там проснулась. Или просто включились мозги.

Так что жить и работать честному бизнесмену в России стало намного труднее. Слуги государевы, что совсем недавно с восторгом участвовали в разного рода остроумных коммерческих схемах, вдруг ни с того ни с сего заделались робкими и застенчивыми, как школьница перед первым минетом. А тех, кто опоздал с робостью, просто принялись закрывать. И при обысках обязательно находить много часов. Как символ того, что чье-то время закончилось.

А Украина, туды ее и так ее, вдруг разорвав имперские оковы, в одночасье заделалась шибко «европейской». Оба российских предпринимателя ощутили дыхание чужой свободы на собственной шкуре. Некогда ласковые тамошние партнеры кое-что у каждого из них попросту отжали. Во имя демократии и независимости.

Но даже не это и не то серьезно печалило и добавляло негатива. Просто такой привычный обоим мир вдруг начал стремительно меняться. И правила стали появляться новые. Те, по которым ни тот ни другой жить и заколачивать деньги не желали. И не умели. А потому никаких радостных перспектив для себя в будущем не ждали.

– Ну... – протянул толстый и сделал очень глупое лицо. Немногим его хорошо знающим мигом стало бы понятно, что мозг его заработал со скоростью, превышающей световую. – Значит...

Значит, выход один – с вещами на выход, в смысле в аэропорт. Не дожидаясь, пока перед каждым из них гостеприимно растворятся ворота ИТУ или, что еще страшнее, просто катастрофически уменьшатся масштабы деятельности. Впереди замаячила реальная перспектива, как сказано в одном анекдоте, дотрахать до мышей. То есть если в позапрошлом году оба вполне себе rispetабельно и с чувством собственного достоинства вели войну за обладание

горно-обогатительным комбинатом, то уже через пару лет они же запросто смогут сойтись в смертельной схватке за контроль над ларьком на станции Ухрюпинск-второй.

– Точно, – кивнул очень толстый. – Свалить отсюда не проблема. Вопрос лишь в том, с чем.

Оба видных российских предпринимателя после всего с ними произошедшего оказались не так уж и зажиточны по меркам своего круга. Да, кое-какая недвижка за бугром. Что-то там в евро или долларах в нескольких западных банках. И... и все. То есть просуществовать некоторое время на это, регулярно оплачивая содержание вилл и шале, можно, а вот долго жить, как привыкло и хочется, – это вряд ли.

– А что, – с надеждой спросил толстый, – есть тема?

Сидящий напротив кивнул.

– Можно и так сказать, – откашлялся. – А не выпить ли нам по граммульке, как когда-то?

– Легко, – и оба слегка приняли на грудь. Что интересно, исключительно то, что каждый принес с собой. Разговор пошел интересный, но и о безопасности забывать не стоило.

– Уф, – толстый вытер платочком губы. – Хорошо пошла!

– Крепка советская власть, – согласился бывший напарник. – Итак... Слушай, брателло, внимательно, – наклонился, сколько позволил живот, в сторону собеседника. – Если тема сложится, страдать от нищеты за бугром не будем.

– А от чего будем?

– Исключительно от тоски по Родине.

– Вот, значит, как, – хмыкнул толстый. – Интересно.

– И только?

– А еще стремно.

– То есть не вписываешься?

– Ну почему, – с видимым трудом, ввиду отсутствия шеи, толстый покачал головой. – Только три десятка «ярдов» – это как бы чересчур круто.

– Четыре, – поправил очень толстый. – Может, чуть больше.

– А не найдут? – озаботился толстый. – Могут, знаешь ли...

– Обязательно разыщут, – успокоил его компаньон. Бывший и вполне возможно – будущий.

– И?..

– И утрутся, – спокойно заявил тот. – На этом поиски прекратятся.

– Уверен?

– Ну да, – как-то по-детски радостно улыбнулся очень толстый. – Они ведь еще и злодеев обнаружат. Друг дружку зверски поубивавших в процессе дележа сворованного.

– То есть уложим шпалы на пути следствия?

– Целый штабель, как когда-то.

– А нам с того какой навар? – заинтересовался толстый, выслушал ответ и одобрительно кивнул, оценивая тонкость замысла. – Интересно. Значит, пора собирать команду.

– Пятнадцать человек на сундук мертвеца? – хохотнул теперь уже компаньон.

– Точнее, пятнадцать мертвецов, – на полном серьезе последовал ответ. – Может, чуть меньше.

– Шефа своей безопасности постарайся в дело не брать, – посоветовал очень толстый. – Уж больно он у тебя толковый.

– Другие найдутся, – усмехнулся тот. – А ты что со своим главным мухтаром делать будешь? Он у тебя из ментов, кажется?

– Что-нибудь придумаю, – очень толстый сделал хороший глоток прямо из горлышка. – Значит, готовимся.

– Готовимся, – поделник (уже поделник!) вздохнул и тоже глотнул. – А скажи-ка мне, друг сердечный,...

– Что?

– Кто будет третьим в нашей компании?

– Точнее, первым, – последовал незамедлительный ответ. – Без папы я бы на такое не пошел.

– О, так у нас есть папа?

– А то. Хочешь знать кто?

– Категорически нет.

– Вот и прекрасно, – заметил очень толстый. – Разбегаемся, будем на связи, – и начал, кряхтя, вытаскивать тело из кресла.

– Последний вопрос.

– Да?

– Немного странно, – толстяк несколько раз с силой провел ладонями по лицу, – что ты выбрал в напарники именно меня. После всего, что было.

– Думал, и не спросишь, – могучая задница очень толстого вернулась в кресло. Кресло протестующе скрипнуло, но выдержало. – Мы с тобой еще в девяностые дела разные делали, верно?

– Как все.

– Только все или почти все они давно сгнили, а мы тут сидим, терки трем, базары базарим. И знаешь почему?

– Умели вовремя остановиться, – прозвучал ответ.

– Именно! А еще знали, что нельзя кидать сразу всех, кто с тобой на одной стороне.

– Иначе кидалово неизбежно перейдет в мочилово, – согласился толстый.

– Я тебе ответил?

И они расстались, вполне довольные друг другом, договорившись и дальше продолжать тянувшуюся второе десятилетие смертельную вражду. По официальной версии. В предвкушении очередного интересного поворота в судьбе каждого из них. Не забыв пожелать друг дружке, «чтобы все сложилось».

А ведь действительно могло и сложиться. Если бы на эту аферу не пришлось подписывать энное количество народа. И кое-кому разьяснять суть дела, пусть даже в его касающейся части. И когда народ въехал в суть темы, осознал размер суммы, все, конечно же, пошло вкривь и вкось, шиворот-навыворот и просто через задницу. Ведь как у нас, на святой Руси? Любая пипетка искренне мнит себя клизмой. Каждый исполнитель непременно стремится проявить инициативу, какой бы дурной она ни была. И каждый, блин, каждый участник любой аферы стопудово считает себя самым умным и хитрым, а всех остальных – голимыми лохами. Таков менталитет электората, что тут поделаешь.

А действительно, интересный получился рамс¹. Если не сказать больше. Простым русским матом.

¹ Так говаривал один шапочный знакомый автора, что провел аж целые две недели в милицейском КПЗ. И вышел оттуда матерым, по собственному мнению, зэком и тонким знатоком понятий. Которые тут же принялся направо и налево толковать. В один прекрасный день до... дочирикался, так скажем.

Часть первая

Скучные разговоры в казенном доме

Не такое уж и давнее прошлое. Москва. Лето

– Значит, оптимизация кадрового состава? – Хозяин кабинета, крупный, абсолютно седой мужик лет шестидесяти, что называется, в штатском, со вздохом отложил в сторону несколько скрепленных листков.

– Так точно, товарищ генерал, – кивнул расположившийся в некотором отдалении за столом для посетителей молодой полковник. Худощавый, подтянутый, в прекрасно сшитой форме, явно замечательный строевик. У них, в управлении кадров, таких военных – через одного. – Оптимизация.

– Удивительным образом напоминая кастрацию, – с явной брезгливостью генерал глянул на стол. У полковника от удивления взлетели к потолку брови. В недрах ТАКОГО учреждения только что сказанное отдавало откровенной крамолой. Если не сказать – провокацией. – Поправьте, если ошибаюсь: распоряжение было о сокращении двенадцати штатных единиц в моем управлении.

– Так точно.

– Тогда почему в списках двадцать семь фамилий, в том числе второй отдел в полном составе?

– Таково решение руководства, – полковник с восторженной преданностью глянул в потолок.

– Понятно, – скучным голосом произнес хозяин кабинета, судя по всему, полностью потеряв интерес к вопросу.

Только чуть дернулась как будто судорогой прихваченная правая щека. Когда-то, в далеких семидесятых, при виде этой несерьезной гримасы впадали в продолжительную диарею достаточно крутые мужчины. Потому что догадывались, что очень скоро за этим последует. Как давно это было...

– Каждому офицеру из списка, – счел нужным пояснить боец кадрового фронта, – для дальнейшего прохождения службы будут предложены равнозначные должности в Южном и Восточном военных округах. – Счел нужным пояснить: – В Центральном военном округе свободных вакансий, к сожалению, не оказалось.

– Прекрасно.

– Совершенно верно, товарищ генерал, – расцвел в улыбке полковник. – Все, кто пожелает остаться в рядах, нормально продолжат службу.

«Остаться в рядах», еще бы «в касте» сказал. Сразу видно, какой именно литературе отдавал бравый воин предпочтение в редкие минуты досуга. Исключительно так называемой военно-патриотической. Которую в массовом порядке штампуют для таких вот настоящих мужчин ни разу не служившие, преимущественно физически не слишком развитые штатские граждане со слабым зрением, врожденным плоскостопием и обязательно геморроем. Они и только они способны так трепетно и возвышенно, можно сказать, с придыханием, говорить о военной службе. И совсем без мата.

– А кто, значит, не пожелает...

– Уйдут в народное хозяйство, – прозвучало в ответ. Твердо и без малейшего намека на слюнявую жалость.

– Вы хоть понимаете, КАКИХ это людей получит народное хозяйство, – прищурившись, спросил хозяин кабинета, – и что они там нахозяйствуют?

– Понятия не имею, – искренне удивился полковник – И потом, согласитесь, товарищ генерал, это будут уже не наши проблемы.

Глава 1

Канувший в лето

Считается, что настоящий разведчик помимо всех прочих выдающихся качеств в обязательном порядке должен обладать острой оперативной интуицией, в просторечии – чуйкой. В таком случае я – совершенно посторонний в нашей службе персонаж. Напрасно, получается, меня в свое время пригласили в ее стройные ряды и целых десять с копейками лет там же и терпели. А вот на выход с вещами попросили совершенно заслуженно.

– У аппарата, – томно пропел я.

– Толян, ты где вообще? – это звонил приятель.

– Лежу на пляжу, – по-солдафонски тупо схохмил я и рассмеялся.

Море, солнце и мелкий-мелкий умеренной чистоты песочек. Как же все это, вместе и по отдельности, прекрасно. Потому что только-только начался отпуск, справедливо названный миражом свободы, предполагающий полную и решительную смену деятельности. А значит, я вообще ни черта не делаю. Валяюсь как бревно на топчане в красивых ярко-красных купальных трусах по колено, благосклонно наблюдая из-под дурацкой панамы (местные еще называют их «дебилками»), как играют на воде лучи солнца, накатывает на берег волна. Как с визгом и радостными воплями носятся взад-вперед, вздымая тучи песка, игривые детишки от грудного до призывного возраста. Как, отключив зады и втянув животики, распускают хвосты в брачных танцах вокруг дамочек в стрингах озабоченные самцы топless разной степени потертости и упитанности. Все как один представляющие себя юными атлетами. Очаровательными и неотразимыми.

И все это, представьте, совершенно меня не раздражает, даже запахи и звуки. Имеется в виду чудный аромат трехдневного, минимум, перегара от расположившейся не так уж и поодаль разношерстной веселой компании и истошные вопли: «Пахлава медовая! Чебуреки! Холодное пиво!», а еще: «Семочка, детка! Быстренько сбегай пописать в водичку и садись уже кушать!»

Это потом, недели через две, пресытившись роскошью общения и соприсутствия, я буду уходить на дикий пляж за скалы и тупо валяться в гордом одиночестве. А пока все меня очень даже устраивает, как всегда, в первые дни отдыха.

– Лежишь, значит, – тусклым голосом проговорил приятель, – в солнечных очках и без штанов.

– Почти угадал.

– На девок небось посматриваешь.

– Не без этого.

– Пиво хлещешь.

– Сейчас этим и займусь, – радостно отозвался я. – Вплотную.

– А, может, лучше натянешь штаны и первым же рейсом в Москву?

– Не понял, – я приподнялся и сел.

– Потому что кретин.

– Может, все-таки объяснишь, что происходит? – стянул с головы панаму и вытер взмокшую физиономию. – Наводнение, эпидемия, может, война? На нас опять напала Молдавия?

– Сокращение штатов, недоумок, – донеслось в ответ. – Резать управу будут, на этот раз не по-детски. Все умные люди который уже день носятся по столице, языки за спиной, ищут, куда бы приткнуться.

– И ты с ними?

– А мне похрен.

– Это почему?

– Да потому. – В трубке помолчали немного. – Выслуги у меня, чтоб ты знал, целых двадцать пять лет и три месяца, – уточнил он на всякий случай, – со всеми холодными, горячими, чуть теплыми точками и прочей лабудой. Как раз сегодня в кадрах подтвердили. А еще квартира на Пресне, шесть соток под Софрино и жена – бухгалтер в «Роснефти». Так что не парюсь.

– Пожалуй, и я не буду, – вернув панаму на прежнее место, я со вздохом прилег обратно.

– Ну, как знаешь.

Глава 2

Я люблю тебя, жизнь, но боюсь, что слегка не взаимно

И что мне было тревожиться и вибрировать, я ведь точно знал, более того, был твердо уверен, что любое сокращение, реорганизация и даже стихийное бедствие если кого и коснутся, то уж ни в коем случае не персонально меня.

Крайняя командировка оказалась непростой, но сработал я вполне нормально. Сразу после возвращения был зван наверх, где меня наперебой хвалили и всячески ласкали. Особо свирепствовал один из замов нашего Первого, крупный дядя с багрового цвета физиономией и двумя звездами на погонах. Обнимал, жал руку, заглядывал в глаза и жарко дышал в ухо. Сулил перспективы, грозил орденами. Прижимал, как дитя родное, к мягкой груди.

Сановный мужик в штатском, откуда-то очень сверху по виду, соизволил благосклонно мне кивнуть и даже подержался холеной ладошкой за мою натруженную лапу. С таким видом, будто вручал высшую награду державы. В общем, все, включая меня, были радостны и счастливы. Даже начальник нашего управления не выглядел таким хмурым, как обычно.

Перспективы действительно оказались лучезарными, не обманули. И огреб я их моментально и по полной.

– Почему не в форме, майор? – строго поинтересовался старший воинский начальник, целый ТОВАРИЩ МАЙОР из управления кадров, куда мне сказали заглянуть в первый же рабочий день. – И стричься за тебя Пушкин будет?

– Так не положено же, – удивился я, поправляя упавшую на глаза томную прядь.

– Теперь уже положено, – веско сообщил тот. – Ну, неужели не рад?

– Чему не рад? – Я все никак не мог въехать в суть вопроса. Видно, здорово отупел под южным солнцем.

– Возможности носить форму, – снисходительно пояснил кадровик. И добавил: – Офицер должен ее любить, согласен?

– До самозабвения, – согласился я. – И не вылезать из нее двадцать четыре часа в сутки до полного износа, – почесал нос. – Только при чем здесь?..

– При том, – сурово молвил тот. – Хватит уже в Москве штаны протирать, пора и в войска.

– Куда?

– Тебе предлагается убыть для прохождения дальнейшей службы, – сообщил он голосом Левитана, извещающего население об очередной победе нашего оружия, – в Восточный военный округ.

– А что там?

– Отдельная мотострелковая бригада. Располагается в городе Пекин Хабаровского края.

– Каком-каком городе?

– Ты что, глухой? – Майор взял со стола лист, забросил на нос очки. – Повторяю, в городе Бикин...

– Теперь понял. – Такое впечатление, что все со мной происходившее мне же и снилось. Очень захотелось ущипнуть себя посильнее за там и как можно скорее проснуться. Желательно не здесь. – А на какую должность?

– В распоряжение командира бригады. – Кадровик снял очки и аккуратно уложил в футляр. – Соглашайся, – искоса глянул он в органайзер, – Толя. Природа там – закачаешься, – и молодецки крикнув, потер ладони как после рюмки с мороза. – А еще рыбалка, охота, грибы, ягоды. Если честно, даже завидую, – и тут же изобразил на гладко выбритом честном лице гримасу, которую показать, как он сам всеми силами туда, в Пекин, в смысле Бикин, стремился, а я его, гад такой, на кривой козе объехал. – Ну, что скажешь?

– Да уж, – ошарашенно молвил я и, кажется, слегка покачнулся, как будто товарищ майор угадал мне коротким прямым в челюсть.

– В смысле да?

– В смысле ну его на хрен.

– Тогда пиши рапорт на увольнение, – буркнул он, тут же потеряв ко мне всяческий интерес.

– А можно лист бумаги?

– Можно Машку через ляжку и козу на возу, – последовал по-армейски остроумный ответ, исключительно в рифму. – У себя в управлении все оформишь и передашь по команде. Свободен.

И действительно, через пару месяцев я стал свободным, как все народы России по отдельности и вместе взятые. Избавив от собственного присутствия вместе со всеми без исключения офицерами своего отдела родную контору, Главное разведывательное управление. Напрасно ребята все лето в панике носились по Москве и окрестностям в поисках вакантных мест. Начальство решило сурово: или – или. То есть или ты едешь с предписанием в зубах куда-нибудь на окраину державы, поближе к границам, или совершенно самостоятельно следуешь к едрене фене. Но уже пешочком.

Лично я ничего не имею против Дальнего Востока и всей той дикой фауны с роскошной флорой. Вот только не рыбак я, не охотник, а грибы с ягодами привык собирать исключительно в магазине да на рынке. И командир той самой бригады в Бикине не сделал лично мне ничего плохого, чтобы усиливать подчиненную ему часть персонально мной. Потому как офицером разведки я числюсь исключительно по военно-учетной специальности, а так, по жизни и профессии, я вор. И немного клоун. Именно поэтому я там совсем не нужен: все, что можно было, уверен, нагло скрадано еще до меня, а развлекать мною личный состав не получится. У тех, кто в армии служит, с весельем в цирке как-то не складывается. Скучно им там до зевоты с дремотой и сна с храпом.

Глава 3

Из-под купола – об жизнь

Воровать все, что плохо или, наоборот, очень хорошо лежит, даже под охраной, меня научили на службе. А клоуном я стал просто потому, что с раннего детства любил хохмить. Иначе пошел бы в укротители, ловиторы² или стал воздушным гимнастом, как папа с мамой. Я ведь появился на свет, как у нас говорят, в опилках и вырос на арене да за кулисами. А у таких, как я, выбор профессии определен еще до рождения. Что-то не попадались мне на жизненном пути нейрохирурги, бренд-менеджеры или дирижеры симфонических оркестров из числа бывших цирковых. А вот алкоголики и уголовники, к сожалению, встречались.

С первых дней в ГУЦЭИ³ я сдружился с веселым отвязным парнем, Валеркой Зайченко. Он пришел в цирк из спорта: подавал надежды в гимнастике, а потом взял да и вымахал за лето на восемь сантиметров. Добавил почти столько же за зиму и тут же перешел из разряда перспективных складных парнишек в никому не нужные дылды. С ним мы и придумали наш первый парный номер, потом еще один и еще. Через год уже веселили ими публику на корпоративах вне пределов Рублевки и даже имели некоторый успех и кое-какую денежку.

Как только я закончил второй курс, папа с мамой подписали контракт и уехали работать в канадский цирк под названием «Дю Солей», девять из десяти артистов которого выходцы из России или Китая. Следом засобирались и мы с партнером, оставалось только доучиться и слегка набраться опыта.

А потом все пошло наперекосяк. Через год родители погибли в авиакатастрофе, а Валерке вдруг надоело в компании со мной пошло кривляться. Загорелся человек идеей создания масштабного шоу с песнями, плясками, полетами под куполом и дрессированными собачками. Влился в творческую тусовку, нахватался там разных умных слов, приучился загадочно морщить лоб и расширять горизонты сознания с помощью травки.

– Бросал бы ты, мужик, дурью маяться, – частенько ныл я. – Выпуск же на носу, номер надо готовить.

– Сделаем, – смеялся он. – Все ахнут.

– И дуть заканчивай, – не унимался я.

– В любой момент, Толян, – отмахивался он.

И действительно, с травы он вскоре соскочил, зато перешел на герыч и в сжатые сроки стахановскими темпами сторчался. Дальнейшую жизнь, насколько мне известно, проводил в увлекательных странствиях по маршруту клиника – тусовка – клиника. А семь лет назад помер.

Я же оказался в положении Робинзона после шторма: артист парного номера без партнера. В результате диплом мне, конечно же, дали, но в списки перспективной творческой молодежи, достойной освобождения от военной службы, ясное дело, не включили.

И оказался я ни в каком-то там «Дю Солей», а в героической российской армии. И вместо пошлого запаха опилок с размаху ударили в нос ароматы казармы, подмышек да портянок.

Я высмотрел в военкомате майора с самым честным лицом, отозвал в сторонку и изложил суть вопроса.

– У меня тут доллары завелись, совершенно лишние, – тихонько проговорил я. – Не подскажите, во что бы их инвестировать?

– Отмазать от службы не получится, – с ходу въехал в тему служивый, – поздно. Да и комиссия у нас сейчас работает. С коррупцией боремся.

– Служить так служить, – вздохнул я. – Почетный долг как-никак.

² Ловитор – исполнитель номера на трапеции.

³ ГУЦЭИ – государственное училище циркового и эстрадного искусства имени М. Н. Румянцева.

- Точно, – кивнул он.
- А нельзя ли?..
- Подальше от Кавказа, поближе к дому? – смекнул майор.
- Именно.
- Трудно, – он покачал головой. – Но можно.
- Цена вопроса? – услышал ответ и присвистнул.
- Если хочешь, пошлем на флот, – предложил тот, – на Северный или Тихоокеанский.

Там у них в плавсоставе сильно народа не хватает.

– Нет уж, – решительно ответил я. – Буду защищать родное Подмосковье. – И мы ударили по рукам.

К месту службы колонна машин добиралась долго, почти два часа: на Щелковском шоссе образовалась пробка. В служебном автобусе нас было всего трое, остальных будущих воинов отдавать патриотический долг отчизне везли родные и близкие в автомобилях, произведенных вне ее пределов.

Металлические ворота с выцветшими звездами со скрипом растворились, автобус прокатил по дорожке и остановился на плацу подле облезлого памятника вождю мировой революции. Двое будущих сослуживцев тут же вышли, а я ненадолго задержался.

- И куда я попал? – спросил я у юного водителя в прыщах и камуфляже.
- Узнаешь, – не оборачиваясь, буркнул тот.
- И все-таки? – повторил вопрос я.

– Ну, ты... – водила повернулся, узрел синюю пачку «Ротманса» и несколько потеплел душой. – УРП, сыночка, – торжественно проговорил «папаша», состоявшийся мужчина, года на четыре младше меня по возрасту. Изъял честно заработанное курево и мотнул головой, давай, дескать, с вещами на выход.

Навстречу доблести и славе.

Глава 4

На подвиг отчизна зовет

Не самое дальнее Подмосковье, меньше часа езды на электричке от трех вокзалов. Стайки офицеров с портфелями от лейтенанта до полковника по званию. Какие-то курсы усовершенствования и повышения ратного, не побоюсь сказать, мастерства. И наше подразделение обеспечения учебного процесса при всей этой прелести с таинственным названием УРП, то есть учебный радиополигон. А на деле – прислуга за все в форме и при погонах. Принести-унести круглое, прикатить-укатить квадратное, помыть-почистить, убрать снег, выкосить травку, покрасить бордюры и прочий геройский героизм. И все это на расстоянии, можно сказать, вытянутой руки от столицы и буквально в одной остановке на электричке от «Красной целки», общежития чудом не попавшей в поле зрения креативных менеджеров ткацкой фабрики, битком набитом веселыми и отзывчивыми девчонками. Как говорится, служба в радость.

Но даже и этого мне не доверили. Буквально через три дня после присяги вызвали к заместителю начальника всей этой богадельни по воспитательной работе и милостиво разрешили присесть.

– Тут сказано, что ты закончил какой-то ГУЦЭИ, – строго спросил, держа в руках тощую папку с моим личным делом, крупный лысоватый полковник, вылитый шеф гестапо Мюллер из народного сериала. – Что это за хрень?

– Училище циркового и эстрадного искусства, – поедая глазами начальство, доложил я, вскочил и вытянулся в струнку. Как учили. Тот махнул рукой, садись, дескать.

– Так цирк или эстрада?

– Цирк.

– И что умеешь?

– Многое, – ответил я. Не по уставу, конечно, зато честно.

За редким исключением все сподобившиеся появиться на свет не инвалидами цирковые детишки начинают обучаться всему понемногу чуть ли не с пеленок и вскоре появляются на публике. Лично я стал каждый вечер выходить на манеж с одиннадцати лет, кое у кого это случилось много раньше.

А потом, уже в училище, мы с Валеркой ставили номера-пародии, с ними же и выступали. Передразнивали жонглеров, гимнастов с акробатами, канатоходцев и даже иллюзионистов. А сделать пародию на какой угодно жанр без навыков в этом самом жанре невозможно.

Взять хотя бы номер с канатом. Если бы я не умел по нему ходить, то грохнулся бы сразу. И вызвал бы этим у почтенной публики не веселый смех, а в лучшем случае – брезгливую жалость. А так, бодро прошагав метров пять, я терял равновесие и начинал выделывать ногами кренделя, хвататься за воздух, визжать как резаный, в общем, сражаться за жизнь над бездонной пропастью глубиной около метра. Валерка тем временем суматошно носился взад-вперед, заплетаясь в ногах и пытаясь поймать меня в гигантский сачок. В итоге он же меня и ронял. На себя.

– У нас через месяц день части. Сможешь выступить?

– Конечно, – бодро ответил я. – Только нужен костюм и кое-какой реквизит.

– Н-да, – пригорюнился полковник. – Со средствами у нас не очень. Может?..

– Попробую что-нибудь придумать, – задумчиво, изо всех сил сдерживая рвущуюся наружу радость, проговорил я. – Думаю, друзья в Москве чем-нибудь помогут.

– Вот и здорово, – он заулыбался, – молодец, – и прихлопнул ладонью по гладкой столешнице пустого, без единой бумажки, стола. – Поступаешь в распоряжение начальника клуба.

Пять дней служебной командировки прошли просто замечательно, было потом о чем вспомнить. Жаль только, пролетели как один миг. Я возвратился назад победителем со всем

необходимым для выступления бараклом из собственных запасов. В том же самом автобусе, что два месяца назад, нагло покуривая в одно лицо в салоне.

Не могу сказать, что мой дебют в качестве военного артиста прошел удачно. Великолепно, черт подери, я бы даже сказал, триумфально. Давненько клуб нашей части не помнил таких, переходящих в овации, аплодисментов. И такого аншлага.

Вскоре выяснилось, что у соседей тоже намечается какое-то торжество, и меня ненадолго сдали в аренду. Потом еще куда-то. Слухи в итоге разошлись как круги по воде, и я принялся раскатывать по городам и поселкам, как тот цирк шапито, и радовать публику в погонах и примкнувших к ним членов семей высоким искусством.

Артисту, как известно, надо много репетировать, поэтому в свободное от гастролей время я пропадал в клубе, а потом и вовсе переехал туда с вещами. А еще постоянно мотался в столицу за реквизитом и какими-то там консультациями. Или просто зависал в «Красной целке» и возвращался под утро приятно утомленным. В общем, устроился неплохо. Таких, как я, на зоне именуют придурками, а в армии – блатными. И очень, очень не любят.

Как-то вечером семеро «дедов» нанесли визит вежливости по месту моей работы и жительства. А я, как назло, поленился ехать в столицу или куда поближе. Двое здоровенных парней прихватили меня «за душу» и легко, как пушинку, вознесли на полметра над уровнем моря.

– Ну, ты че, в натуре? – и пошел гнилой базар на несколько голосов.

Дескать, мы тут служим, как собачки породы пудель, кровь за родину-мамку тетрапаками проливаем вперемешку с потом, света белого не видим. А ты, салага зеленый...

– Срочно нужны четверо, – успел вставить свои две копейки в разговор я, пока оппоненты не перешли от слов к жестам, – покрепче и желательнее одного роста. Не пожалееете.

– Зачем?

– Куда?

– В артисты. – Вцепившиеся в меня ручищи разжались. Я четко, как учили на занятиях по физподготовке, исполнил соскок и пошел по своим делам. А они принялись выяснять между собой, кто больше всех хочет славы и аплодисментов.

Так и дурковал я в свое полное удовольствие. Изображал, когда скажут, что-то левой ногой на публике, а все остальное время бил балду. В столицу ездил или куда поближе, умеренно выпивал, ходил в кино, читал книги. Даже бедностью особо не мучился: сдал на время службы одну комнату в родительской «двушке» на Арбате бывшему однокашнику, выбившемуся в чиновники Министерства культуры. Славка недавно женился и решил пожить как взрослый. А еще всеми силами гнал из головы мысли о том, что же делать дальше, когда закончится служба и начнется собственно жизнь.

Глава 5

Родина знает

И продолжалось это невообразимое счастье целых полтора года, даже чуть дольше. А потом все вдруг закончилось. Или началось. В двести семнадцатом кабинете административного корпуса, куда меня вдруг срочно вызвали, предварительно разыскав с собаками.

– Проходи, располагайся, – махнул рукой, будто муху отгонял, совершенно незнакомый породистый мужик средних лет. И хотя приличный и явно не от «Большевички» костюм сидел на нем как влитой, а не подобно пенсне на корове, как у наших офицеров, почему-то сразу стало понятно, что он – военный. И в чинах немалых. – Как проходит служба?

– Нормально, – чуть заметно пожал плечами я.

– Проблемы с дисциплиной?

– Никаких.

Самое интересное, что этот дядя мне не представился. И за все время разговора ни разу не обратился ко мне по имени или фамилии.

– Да уж, – раскрыл он папку с моим личным делом, самую малость потолстевшую за время службы. – Начальники, как посмотрю, от тебя без ума. Одних благодарностей штук двадцать. Получается, ты у нас – образцовый воин.

Я скромно опустил глаза и чуть заметно кивнул, дескать, получается именно так.

– Значит, дисциплину не нарушаешь? – гнул свое он. – Военную тайну свято хранишь?

– Так точно. – Лучший способ сохранить любую тайну – это не иметь о ней ни малейшего понятия. Как раз мой случай.

– Тогда ознакомься вот с этим, – он достал из пижонского портфеля ценной в пять, наверное, тогдашних офицерских зарплат файл с несколькими исписанными от руки листами бумаги и протянул мне.

«Объяснительная записка», – прочел я, – «от капитана Беляева В.Б...». Ах ты ж, козлина! Неделю назад ко мне в клубе подвалил белобрысый шустрый мужичок с четырьмя звездочками на погонах и запросто так предложил пустяковое, по его словам, дельце ценной в литр водки. Всего-навсего слазить в ночь с субботы на воскресенье на четвертый этаж в секретную библиотеку. Просочиться через открытую форточку, отыскать на стеллажах папку с контрольной работой за позапрошлый год «Железнодорожный узел Мытищи» и принести ему. А следующей ночью совершить еще одно восхождение и вернуть ее на место. После чего отправляться пить честно заработанное, так и быть, в его компании.

«Ну уж нет», – ответил я. И продолжал стоять на своем, даже когда цена вопроса возросла до полутора литров. До дембеля у меня всего-то полгода, и дожидаться его гораздо лучше под Москвой, нежели под пулями где-нибудь неподалеку от Аргуна или Гудермеса.

– Почему не доложил куда следует? – забрал он у меня файл и вернул в портфель. – Стучать в падлу или просто поленился?

Я тихонько вздохнул. И то и другое, если честно.

– Ну и дурак, – угостил сигареткой меня и закурил сам. – А вот товарищи капитана по учебной группе все правильно поняли и мигом его слили.

– А он меня.

– Это как водится, – подмигнул он. – Ладно, проехали. Служи дальше, сколько осталось, никто тебя не расстреляет. Тем более начальство за тебя горой.

– Спасибо, – я привстал. – Разрешите?..

– Погоди, – хмыкнул он. – А ты действительно смог бы туда залезть?

– Да.

– На четвертый этаж по гладкой стене?

- Не такая уж она и гладкая, есть за что зацепиться.
- Откуда знаешь?
- Сходил потом, посмотрел, – сознался я. – Просто интересно стало.
- Интересно ему, – проворчал он. – Любознательный ты наш. А можно вопрос?
- Да, в смысле, так точно.
- А что потом?
- Когда?
- После службы, – и угодил, фигурально выражаясь, подкованным каблуком прямиком по мошонке. Этим вопросом я и сам мучился с первого же дня службы.
- Ну, – промычал я. – Думаю...
- Давай-ка я скажу. – Аккуратно загасил сигарету, откинулся на стуле и сложил на груди руки. – Ты и сам глубоко не в курсе. Знаешь только, что в цирк тебе уже не вернуться.
- А вот это точно. Никто меня там не ждет, клоунов, хороших и разных, на всех аренах и без меня – как грязи. Сам знаю.
- Простите...
- Ты хочешь спросить, какое мне до всего этого дело? – он улыбнулся. – Самое что ни на есть прямое. Тот дурачок, как его?
- Беляев.
- Спасибо. Так вот, капитан тот мне глубоко по барабану. Да и вопрос с ним уже закрыт. Огреб, дурилка, строгий выговор, сдал экзамены и укатил в родную пердь служить дальше. А его подельнички получили...
- Благодарности, – догадался я.
- Ни хрена подобного, – расхохотался незнакомец. – Записи в личном деле получили об излишней хитрожопости и скудности оперативного мышления. – Пояснил: – Раньше надо было его закладывать, когда только планировал дельце, а не потом, когда сорвалось.
- В таком случае...
- Спрашиваешь, зачем я тогда сюда приперся? Отвечаю, по твою персонально душу. Хочу предложить работу по специальности.
- Клоуном?
- И им тоже.
- Где?
- Есть такой цирк, ГРУ называется. Покруче твоего «Дю Солей» будет.
- ГРУ – ведь это Главное разведывательное управление? – ошалел я. – Вы что, приглашаете меня в разведку?
- Невозможно пригласить человека куда-либо, если он уже там, – было ответом. – Ваши курсы, чтоб ты знал, находятся в подчинении ГРУ. – Я разинул от удивления рот. Намекали как-то по большому секрету, да под стакан, ребята с родного УРП, что наша часть – жуть какая секретная⁴. Не поверил. – Просто предлагаю тебе перейти из разведки в РАЗВЕДКУ. Добровольно, иначе у нас не бывает.
- А если я откажусь?
- Значит, этого разговора не было, а я тебе приснился.

⁴ Воины срочной службы проявляют редкую изобретательность в стремлении сделать себя красивыми, интересными и загадочными. Помнится, друг детства рассказывал автору, как лично молодым старлеем наблюдал в Севастополе на автовокзале убывающего в родную деревню на дембель потрясающе красивого матроса и искренне сожалел, что не было под рукой фотоаппарата. Был тот матрос действительно прекрасен: облагоустроенные десятисантиметровой «платформой» казенные ботинки, клеша шириной с Тихий океан, приталенный по последней моде бушлат. Ушитая до размеров еврейской кипы бескозырка с ленточками ниже задницы. С надписью золотым по черному (в местной ритуальной конторе делали): РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЕ ПОДВОДНЫЕ СИЛЫ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА!!! Не знаю, как обстояли дела во времена Федора Федоровича (Ушакова) или Павла Степановича (Нахимова), но в советские времена на Черном море боевым ядром и не пахло. Не верите? В ЦРУ спросите. Подтвердят.

– А если соглашусь, что буду делать?

– Понятия не имею, – собеседник пожал плечами. – Об этом только Родина знает.

Для начала Родина направила меня в учебное подразделение, учебку, в сутках езды от Москвы. Где нас, угодивших в разведку везунчиков, сильно утомляли науками и истязали физически. А заодно, как я потом понял, внимательно присматривались. С тем, чтобы понять, куда направить после того не отсеявшихся до этого.

После прохождения начального курса наук полагается практика в спецназе нашей конторы. Меня этой радости лишили, сразу отправили аж за Урал учиться на какого-то там притворщика. Через месяц программу закрыли и меня вернули в Подмоскovie, только не на северо-восток, где проторчал полтора года, а на запад. И принялись обучать ремеслу специалиста узкого профиля, но широкой направленности, ворюги-универсала, если конкретно. То есть способного не просто что-нибудь спереть, в смысле, свистнуть, но и добраться до этого чего-нибудь, даже если оно заперто на сто замков.

И в кошмарном сне не виделось, что придется заниматься чем-то подобным, потому что с раннего детства питаю стойкое отсутствие интереса к чужой собственности. Однако Родина действительно знает, что делает. За каких-то два года (а потом еще три раза по паре-тройке месяцев) из меня таки сделали самого настоящего крадуна. И больше десятка лет пер я для родной конторы все, что приказывали. Или кого. Однажды уволок с сорок пятого этажа небоскреба в столице одного государства Юго-Восточной Азии шестимесячного младенца. У тех, кто похитил его у родителей. В другой раз в известной на весь мир своими вальсами и сосисками европейской столице поспособствовал похищению из полицейского морга трупа. Нашего парня, между прочим, угодившего под раздачу в результате каких-то хитрых тактических игр бывшего вероятного противника, а ныне – стратегического партнера.

А первую боевую награду получил за обычную сережку, правда, стоимостью с трехкомнатную квартиру на Остоженке. Я вытащил ее из уха одной приятной в некоторых отношениях, переживающей вторую бурную молодость дамы, супруги чрезвычайного и полномочного посла. На приеме, не помню, по какому поводу. Милую женскому сердцу безделушку потом случайно отыскал и с поклоном вернул владелице один чрезвычайно мужественного вида джентльмен. И, уверен, на всю катушку попользовался ее плавно перетекающей в благосклонность благодарностью.

Да, кстати, несколько лет назад я провел три месяца на тех самых курсах. Выяснилось, что никакая это не богадельня, а вполне себе приличное учебное заведение. И на учебном полигоне солдатики не только бордюры красят да в самоволку бегают, но и серьезными делами занимаются. Встретил кое-кого из старых знакомых. Никто меня не узнал.

Глава 6

В жанре радостного идиотизма, или Награды для героя

– Куда прешь, микроб?! – прорычал сосед. Сгреб меня за шиворот и вышвырнул из подъезда, как обгадившегося котенка. Еще до приземления я бодро заработал нижними конечностями, пытаюсь как можно скорее увеличить расстояние между нами до безопасного, но все равно не успел.

Интересный нынче выдался день, ничего не скажешь...

* * *

– Уважаемый Анатолий Павлович, позвольте от имени командования и от себя лично поздравить вас с высокой правительственной наградой и вручить высокую правительственную награду, – и замолчал, пытаюсь понять, что только что сказал. – Короче, от всей души. Чисто конкретно.

Компания в военкомате подобралась немногочисленная, но какая-то мутная. Несвежий после вчерашнего, изрядно утомленный жизнью капитан в измятой до состояния полной изжеванности форменной курточке и до неприличия грязной защитного цвета футболке. Чрезвычайный и особо доверенный представитель Родины-мамульки. Именно он вручил мне коробочку с тем самым давно обещанным орденом и книжечку к нему.

Лично я гладко выбритый и одетый в чистое. К тому же милый и румяный аки купидон с картинки. Абсолютно не страдающий похмельем, так как еще месяц назад успешно освоил в компании бывших сослуживцев ящик-другой-третий водки и с тех пор ни-ни-ни.

И наконец, еще один – роскошный мен в штатском. Не припомню, чтобы мы пересекались где-нибудь и когда-нибудь до этого, но родной конторой пахло вполне ощутимо.

– Позвольте еще раз поздравить вас и пожелать... – старательно дыша в сторонку, из последних сил проговорил капитан и тяжело вздохнул.

Больше всего на свете военному хотелось откомандировать свежеиспеченного орденосца, меня то есть, в лавку за бутылкой и поправить на халяву подорванное накануне здоровье. Или выгнать всех посторонних из персонального, три на три метра, кабинета и сделать то же, но в одиночку. И, черт с ним, за свои, за кровные.

– Извиняюсь, – печально проговорил служивый, – дела. – Прихватил со стола, не глядя, какие-то бумаги и двинул на выход. Я было следом. – А вас я попрошу задержаться.

– Зачем? – удивился я. Точнее, сделал вид.

– Товарищ вот хочет с вами побеседовать, – кивнул капитан в сторону личности из прошлого, в углу, и резво стартовал с места, только половицы заскрипели.

И правильно сделал. Похмелье, как известно, штука не столько тонкая, сколько для здоровья опасная. И медлить с лечением не стоит. Чревато.

– Что-то душно здесь, – персонаж в штатском встал, подошел к окну и растворил обе створки. Поверх ароматов перегоревшей сорокаградусной и закуски в чесночном соусе слегка повеяло свежестью.

Потом приблизился и расцвел в улыбке. Ладонку ухоженную протянул. С маникюром на пальчиках. Достаточно крепкую.

– Мои самые искренние поздравления, Анатолий Павлович, – по-свойски, с юморком молвил он. – От имени и по поручению.

– И кто вам это поручил?

– Как это кто? – удивился он. – Родная контора, тезка. – Надо же, он тоже Толя. – У нас ведь как? – новоявленный тезка сделал брови домиком. – Никто не забыт, и никому ничего не забыли, усек?

– А то.

– Молодец! Так что Родина тобой вправе гордиться. И все мы – тоже.

Вот пусть и гордятся, коли право имеют. Как говорится, не препятствую.

– Присядем? – Он по-хозяйски устроился за капитанским столом, я скромно присел рядом. И приготовился.

– Погодка-то какая, – глянув в окошко, поделился радостью со мной Анатолий. – Бабье лето, интересно, надолго ли? – и жадно на меня, как на единственного в мире носителя секретов природы, уставился. Я пожал плечами. – Как жизнь молодая?

– Живу, – по-спартански лаконично отозвался я.

– Честно, надеюсь? А то некоторые, – и подмигнул игриво, как пукнул, – шалят. Научили их, понимаешь, всякому и разному на свою голову... – Вдруг нахмурился и сменил тему: – Какие планы на будущее?

– А почему вас это интересует?

– Служба такая, тезка. За нашими бывшими присматривать, – развернул красную книжицу и сунул мне под нос. Тут же захлопнул и вернул на место, в нагрудный карман пиджака. – Чтобы не шалили.

– Здорово, – обрадовался я. – Значит, по всем вопросам сразу к вам?

– Не совсем так, – Анатолий покачал головой и глянул сурово. – Если создашь вопросы, то мы к тебе, причем сразу. Уразумел?

– Ага.

– Тогда иди и не грши.

Я встал и двинулся на выход, а, может быть, тезка остался сидеть, государственными думами объятый. Почему, спрашивается, может быть? Да потому, что уж больно умело он мне ксиву⁵ предъявил, закрыв пальцем имя, фамилию и отчество, зато оставив все остальное бла-бла-бла касательно прав ее владельца и обязанностей всех остальных граждан по отношению к нему. Вот и гадай, как его на самом деле зовут: Толя, Вася или вовсе даже Мухаммед. А может, Сруль.

Я вышел из казенного дома и побрел, куда глаза глядели, а ноги несли. В ближайшую пивную. Откушал там кружку так себе светлого пенного, заел эту разбавленную свежей водопроводной водой прелесть соленой баранкой, сделал один звонок и неторопливо зашагал дальше, глаза по сторонам и пиная ногами желтые листья, визитные карточки наступившей осени. По дороге несколько раз, просто так, на всякий случай, проверился.

Посидел на лавочке в парке, перекурил, полистал газетку, потом встал и решительно отправился домой собирать вещи. Один мой знакомый, как только возникали какие-нибудь проблемы, немедленно подрывался и уматывал на юга. А когда через месяц-полтора возвращался, выяснялось, что все они или почти все как-то сами по себе рассасывались. Вот и мне пора куда-нибудь к теплему морю, пока деньги есть. Может, якобы тезка тоже рассосется. Ума не приложу, на кой черт он на меня вышел. И очень мне все это не нравится. Точно, самое

⁵ Ксива (*жарг.*), она же вездеход – спецудостоверение, выдаваемое некоторым оперативным сотрудникам разведки. Крайне полезный в хозяйстве документ. В нем черным по-русски сурово пропечатано, что предъявитель его – очень хороший человек. Исполняет особые задания какого-нибудь высокого воинского начальника, от командующего округом до министра обороны. Поэтому имеет полное право расхаживать в штатском, иметь при себе огнестрельное оружие. И многое другое. Все же остальные и прочие в отношении его никаких прав не имеют. Зато обязаны всячески содействовать «предъявителю сего» и во всем идти навстречу. Предмет невыразимой гордости юных разведчиков. И страстного желания хоть кому-то ее предъявить. Чтоб уважали. Взрослые опера пользуются данной ксивой редко, исключительно в случаях крайней необходимости. А то и вообще годами к ней не притрагиваются, потому что настоящий профессионал и так способен решить любой вопрос. На то он и опер, а не дешевое чепушило с важной бумагой на кармане.

время укатить из Москвы и попытаться смыть проблему соленой морской водой и растопить под жарким солнышком.

Я пересек двор и вошел в подъезд. Только поднялся на пару пролетов, как заголосил телефон во внутреннем кармане ветровки. Если бы не тот звонок, кто знает, может, вся моя дальнейшая жизнь сложилась бы совершенно по-другому. А может, и нет. Как известно, не мы выбираем дороги, а совсем даже наоборот.

– Да. – Я остановился.

– Привет, Толян.

– Здорово, Кисинтин! – искренне обрадовался я. – Молодец, что звякнул.

– Ты можешь подойти туда, где мы в прошлый раз?.. – какой странный, однако, у него голос.

– Запросто, через час нарисуюсь, посидим, как белые люди.

– Жду.

Я развернулся и поскакал, как добрый кенгуру, через три ступеньки вниз. На входе в подъезд едва не врезался в соседа сверху.

– Куда прешь, микроб?! – прорычал тот – Разуи глаза! – дальше уже знаете, что произошло.

У самой земли я бодро засучил ножками, пытаюсь как можно быстрее отдалиться на безопасное расстояние, и почти успел, но только почти. Огреб-таки пинок под задницу, не столько болезненный, сколько обидный. И зашагал дальше, второй раз за один и тот же день награды удостоенный.

Глава 7

Болевые приемы судьбы

Скажи кто раньше, что моего давнего приятеля Константина кто-то или что-то сможет нагнуть, сломать или просто вывести из равновесия, даже в морду плюнуть поленился бы. Не тот, скажу вам, человек.

Много лет назад, еще в самом начале боевого, можно сказать, пути, меня вдруг сдернули с одной операции и высвистали почти за две тысячи километров на совсем другое мероприятие по «внезапно открывшимся обстоятельствам». В город над мутной вонючей речкой под названием Дунай. Его еще голубым называют – не понятно за что.

Работать, то есть извлекать что-то из громоздкого сейфа с замками американской фирмы S & G повышенной надежности, пришлось в дикой спешке, чтобы конкуренты не пронюхали. И малыми силами, то есть страховали меня снаружи или просто стояли на атаке всего два оперативника. Строго из соображений конспирации. Или еще чего.

Не помогло. У конкурентов, как видно, тоже открылись похожие обстоятельства. Четверо здоровенных блондинов появились некстати и внезапно, как будто из воздуха, материализовались. И тут же начали действовать. Одного из меня страхующих уложили на месте, второй трусливо покинул поле битвы. Ускакал со скоростью африканской лани, опережая звук, в смысле визг. Собственный. Сигнал тревоги, правда, подать успел, но лично мне от этого легче не стало.

Побрали меня, несчастного, прямо возле вскрытого сейфа, серьезно облегчив тем самым себе работу. Вырубили, потому что начал было дергаться, и поволокли к выходу. Почему не грохнули на месте и не оставили возле распотрошенного хранилища? Понятия не имею. Кто это был? А хрен его знает. Знамен и формы со знаками различия у той четверки не наблюдалось, и за все время нашего недолгого знакомства ни один из тех слонов не издал ни звука. Может, это вообще не люди были, а боевые киборги, опытные образцы импортных макронотехнологий.

Второй наш оперативник (а это был именно Костя) меж тем убежал совсем недалеко. Заложил этакую заячью петельку и вернулся в исходную точку. Очень даже вовремя, конкуренты как раз походной колонной покидали место собственного триумфа. Блондин номер один при пушке и с сумкой в авангарде, далее номер второй, тоже при оружии и со мной, перекинутым через широченное плечо, как какой-то плащ. Или просто тряпка. Как, спросите, узнал? Отвечаю, успел самую малость очухаться и все, что происходило, наблюдал лично. В том и преимущество малого роста и веса, что от серьезного удара мы отлетаем в сторонку и вырубамся, а более крупные особи от него же просто рассыпаются на месте. И приходят в себя очень не скоро. Если вообще приходят.

А замыкали колонну номера третий и четвертый, причем один из них волок на себе другого. Это я постарался, каюсь. Молод был, вспыльчив, излишне резок, неумен.

Константин свалился на них внезапно, как ураган «Катрина» на Новый Орлеан или дефолт сразу на всю Россию. Блондин номер один, надо признать, оказался достаточно резким парнем и открыл ответный огонь почти сразу. Номер второй быстренько сбросил меня на бульжники и тоже присоединился к общей дискуссии. Остальные двое замешкались, друг дружку обнимая, поэтому отчалили на тот свет, не успев даже по разу выстрелить.

Все равно никто из них не уцелел. Был Костя точнее их всех, быстрее, а пули, такое впечатление, его не брали. Просто отскакивали. В общем, он уложил их всех и красиво уехал, не забыв прихватить меня, тело нашего оперативника и сумку с тем, из-за чего, собственно, и произошла та бойня.

Как выяснилось немногим позже, не все пули от него отскакивали. И все равно вырубиться себе он позволил, только вернувшись на базу. Заглушил мотор, поставил машину на ручник и вдруг потух, как свечка на ветру. Такой вот он парень, Костя-Кисинтин. Спокойный, улыбочивый, абсолютно без дешевых понтов и прочей показухи. Надежный, как крепостная стена. Всегда любил с ним работать. Или просто так изредка пересечься вне трудов праведных, пивка попить, за жизнь потрепаться. Чаще встречаться работа не позволяла.

Только сейчас пиво в горло не лезло. И ему тоже. Или не ему? Потому что сидящий напротив хоть и похож был внешне на старого приятеля, но никак, никаким боком быть им не мог. Не бывает, просто не может случиться такого, чтобы Костя, чтобы Костю... Как будто в камнедробилке мужик побывал. Черт, и у самого от всего этого мысли дыбом и в башке туман. Полный Эрдоган головного мозга, короче.

– Ну, – хрипло проговорил я и немного отхлебнул, чтобы горло прочистить. – Говори уже.

– Толь, – Костя взял стоящий перед ним до краев полный бокал и сделал пару глотков. И видно было, что ему глубоко плевать, что там внутри, свежее пиво или скипидар с истекшим сроком годности. – У тебя друзья богатые есть?

– Бабки понадобились?

– Да.

– Сколько?

– До хрена, – прозвучало в ответ. – И срочно.

– Что случилось?

– С Тошкой проблема... – это Костин сын, девятилетний крепыш. На хоккей в ЦСКА через весь город ездит три раза в неделю, в школе умеренно хулиганит. Ест все, что дают. И всегда просит добавки.

– Что с ним?

– Лейк... – запнулся Костя. – В общем, лейкоз. Нужна операция.

– За границей, – догадался я. Если в чем другом Россия уже лет двадцать как впереди планеты всей, то в области медицины мы пока отстаем, причем навсегда.

– В Германии, – уточнил он, – срочно. Иначе – кранты. – Отставил кружку в сторону и неумело закурил мою сигарету. Раньше, насколько помнится, с никотином он дружбы не водил и даже знаком не был.

– А сколько всего надо?

– Сто пятьдесят тысяч... Евро. Двадцатку уже достал, тачку продал, долгов набрал, больше – никак. Банк в кредите отказал, хату ни заложить, ни продать не могу.

Точно, никак не может. Квартира у Кости служебная.

– Друзья, говоришь, – задумчиво молвил я.

А что тут, собственно, думать? Нет у меня богатых корешей, никогда не было и вряд ли будут. В наше время дружить модно исключительно в своем кругу. Чтобы не опешлять это чистое, светлое и высокое чувство такой низкой пошлостью, как сто рублей до полочки. Или миллиард евро на раскрутку.

– Ладно, – он с самого начала все знал, уверен. Просто в таком положении ничего не остается, как надеяться. – Пойду я. Там Маринка дома с ума сходит. Спасибо, что выслушал. И заплати за пиво, а то...

– Минуточку. – В голову ко мне в этот момент заглянула совершенно, казалось бы, идиотская мысль. Или не такая уж идиотская. Разберемся. – На какое число назначена операция?

– На следующую пятницу. – Костя сел на место и опять потянулся к сигаретам. – Девять дней у нас осталось.

– У НАС осталось, – уточнил я. – Значит, так, ничего гарантировать не могу, но в эту субботу с утра держись поближе к телефону. Позвоню.

– Не понял. – Рука с зажигалкой замерла на полпути. – Так у тебя все-таки есть богатый друг?

– Нашелся, – сознался я, – только что о нем вспомнил, – положил на стол между бокалами и тарелками банкноту. – Пошли, что ли?

– Куда это ты так заторопился?

– На шопинг.

Глава 8

Тебя, придурок, я простил, но мстить мне это не мешает

Есть, есть у меня кандидатура богатенького Буратино, вполне способного стать спонсором. Вот только другом назвать его не могу, скорее наоборот. Впрочем, это не важно, в деньгах он мне не откажет, главное, чтобы нашлась нужная сумма.

Тот самый сосед, что поселился полгода назад в нашем доме двумя этажами выше меня и с ходу принялся всех вдохновенно кошмарить. Здоровенный красномордый жлоб с повадками шерифа с очень Дикого Запада. В сшитом на заказ полицейском мундире с полковничьими погонами. В остроносых лакированных полусапожках на высоком каблуке. Из расстегнутого кителя выглядывает налитое пивное пузо, а чуть выше и слева – ствол в ярко-желтой замшевой оперативной кобуре. Короче, дурак и... Сказал бы «клоун», но слишком уважаю бывшую профессию. Поэтому просто дурак и... и дурак.

Форму – этот символ власти и могущества – сосед обожает и, такое впечатление, даже в ней спит. Лишь изредка по вечерам выходит в свет в прикиде чикагского гангстера начала прошлого века, усаживается в черный, напоминающий катафалк «Хаммер» и с шиком укутывает в сторону ночи. А по пятницам переодевается в суровый камуфляж, загружает в «Хаммер» аналогичной раскраски ружья, удочки и ящики со спиртным. И убывает теперь уже на заслуженный отдых за город.

Меня он начал задирать по поводу и без сразу же по приезде и успешно продолжает по сей день. И виной этому я сам, вернее, мои габариты. Дело в том, что роста во мне аж два метра без каких-то тридцати пяти сантиметров и весу добрый центнер. Без тридцати восьми килограммов. Вот и не опасается нарваться на ответку. К слову сказать, совершенно напрасно.

Рост, как у сидящей таксы, и комариный вес совсем не мешают мне грамотно наступать по сусалам очень и очень многим. И не только потому, что меня этому обучили в разведке. Я ведь родом из цирка, то есть с самого раннего детства паренек крепкий и ловкий, да и кулаки в ход пускать привык. Жизнь научила.

За годы учебы я поменял не один десяток школ, и каждый раз, в каждом классе обязательно находился местный герой, второгодник или просто самый злой и наглый, желающий меня, кроху, обидеть. Вот и приходилось наглядно демонстрировать, с каким грохотом может упасть большой шкаф, если его как следует подтолкнуть.

Счастливым исключением для меня были лишь Оренбург и Красноярск, где по приезде в седьмой класс меня встретили с робостью и уважением. Прибывшие туда двумя неделями раньше братья-близнецы Витя и Митя разболтали всем, какой я страшный человек и непобедимый боец. Владеющий, ко всему прочему, мастерством удара отсроченной смерти. Это когда человеку отвешивают несильную плюху или просто пинка, а он через строго определенное время начинает клеить ласты. Большое им за это спасибо.

Сами Витя и Митя из номера «Силовые жонглеры Кольчугины» подобными проблемами не страдали чуть ли не с пеленок. Во-вторых, их всегда было двое. А во-первых, уже классу к седьмому каждый из этой парочки достиг таких размеров, что от них в ужасе смертельном убегали самые здоровые и хулиганистые десятиклассники. И за версту обходили все остальные любители почесать кулаки.

А хороший был номер, ничего не скажу. Под заунывную восточную музыку на манеж выходило трое налысо бритых персонажей в монашеском одеянии. Один, высоченный и широкоплечий, бывший тренер по карате, невысокий складной второй, солист балетной труппы национального театра в прошлом. Оба, западный украинец и бурят, лишились прежних мест работы по причине страстной любви к национальному русскому напитку. Потом зашились.

Третьим в этой компании был ваш покорный слуга в балахоне до пят и с шестом в полтора собственных роста длиной.

И только успевали монахи присесть и начать скромную трапезу, как откуда ни возьмись появлялись страшные и свирепые разбойники с мечами да копьями. И тут же по святой уголовной привычке начинали всячески обижать служителей культа. Те это дело до поры с истинно буддистским смирением терпели, но потом оно заканчивалось, и монахи начинали метелить злодеев. И как! Здоровенные мускулистые особи (Витька и Митька в том числе) летали по арене как птички, гнулись от зверской силы ударов, как хрупкие березки на ветру, и валились наземь, как кегли.

Потом униженные и избитые разбойники уползали умирать за кулисы, а разошедшаяся троица продолжала радовать мастерством публику. Лично я крутил сальто, садился на шпагат, задирали ноги выше головы и даже делал стойку на шесте. Халтура, скажете. Ни черта подобного. Очень похожий номер есть и в том же «Дю Солей», только артисты там – все китайцы. И никакие не монахи, а просто очень приличного уровня гимнасты и акробаты.

К величайшему моему сожалению, длилось то счастье недолго. Двое из нашей троицы, не выдержав бремени славы, расшились и, как истинно творческие люди, ушли в пленительный запой. Номер из программы убрали, так что в Омске опять пришлось махать конечностями и популярно объяснять кому надо, что маленький отнюдь не означает безобидный.

К чему это я? Да к тому, что крутой соседушка один в один напоминает кого-то из тех самых хулиганов и второгодников. Если честно, уже подумывал над тем, как его наказать. Разные были мысли: встретить как-нибудь вечерком да сломать пару костей или внедорожник угнать и утопить в Москве-реке. А может, угнать и отправить принимать водные процедуры обе тачки. Видит бог, я долго терпел и прикидывался робким и трусливым. Пора этого хама как следует ударить, причем по самому чувствительному месту. По кошельку. Почему-то кажется, что там есть чем поживиться.

Я загляну к нему в гости в ночь с пятницы на субботу, когда он уедет за город. А если не уедет, все равно загляну, только тогда к списку совершенных мной правонарушений добавится еще одно: нанесение побоев разнообразной степени тяжести.

Глава 9

Картина в масле

– Что это? – скрип, сопение, пыхтение, стон. – Ах, ты?! – треск и переходящий в комариный писк вопль. Видимо, приложился в сердцах по мебели, а получилось себе же в убыток. – Ну, б...!!! Суки!!! Убью на ...!!!

Этот красавец подъехал, как всегда, круто припарковался (двумя колесами на пешеходной дорожке), вылез из тачки размером со средний танк и тяжелой походкой как следует отдохнувшего человека двинулся к подъезду. Я зачем-то посмотрел на часы (без семнадцати четыре), откупорил бутылку пива, раскрыл пакетик с орешками, надел наушники. И поудобнее устроился в кресле. Впереди меня ждала увлекательная радиопьеса, высокая, можно сказать, трагедия в самом что ни на есть искреннем исполнении. В таких обстоятельствах, куда угодил главный герой, никак не сфальшивить.

Вот он открывает дверь, пыхтит, раздеваясь, в прихожей. Шаркая тапочками, проходит в гостиную. Куда дальше? Если захочет выпить, направится в кабинет, если спать, то представление откладывается. Не беда, подожду, дольше ждал. И смиренно терпел все его закидоны.

В кабинет! Сейчас начнется. Нет, не заметил, подошел, видимо, к бару, а он у него просто на зависть. Слышится бульканье, товарищ полковник щедро себе наливает. Сейчас он повернется и...

– Что это?

Я мерзко хихикнул, отсалютовал сам себе бутылкой и сделал несколько глотков. Потому что заслужил. Жаль только, что могу все это лишь слышать, а не видеть. То-то веселья было бы.

О, схватился за телефон, сейчас будет вызывать опергруппу.

– Аллю. Олег, это я.

–

– Хату у меня обнесли, вот чего звоню!

–

– Только что вернулся.

–

– Как это: что делать? Наших буду вызывать! Пусть работают.

–

– Почему нельзя? А что тогда?

–

– Ладно, приезжайте! Жду.

Минут через сорок у подъезда остановился скромный серый средних лет «Фольксваген», следом синенький того же приблизительно возраста «Форд». Двое матерых средних лет мужиков сначала о чем-то переговорили, а потом не спеша направились к подъезду.

Звонок и сразу же скрежет отпираемого замка. Видно, жертва ограбления дежурила у двери.

– Привет, терпила! – пробасил первый гость. И хмыкнул.

– Не смешно, Олег.

– Ну, здравствуй, – тихо, еле слышно проговорил второй. – Веди давай, показывай. Ничего там не трогал?

– Обижает, Михалыч.

Звуки шагов, скрип двери. И громкий хохот.

– Ну, ни черта себе! – это Олег.

– Красиво, – оценил картину Михалыч.

Еще как красиво. И элегантно. Я, знаете ли, очень постарался, много сил и ума потратил, чтобы организовать весь этот пейзаж. Картина в масле: «Утро в сосновом бору».

Сразу после встречи с Костей я заглянул на вещевой рынок на другом конце Москвы. Разжился там в павильоне «Секонд-хенда» чудными джинсами десяти лет пробега, столько же лет назад утерявшим первоначальный цвет свитером на хорошего слона и раздолбанными кроссовками сорок четвертого размера. В магазине спецодежды уже в другом районе прикупил элегантную зеленую куртку.

В пятницу сначала проводил соседа, потом дождался темноты, вошел с мешком на горбу в родной подъезд и потопал пешком наверх. Никому абсолютно в глаза не бросаясь. И если потом начнут расспрашивать бдительных соседей, кто из посторонних проходил мимо в тот вечер, все как один ответят: никто. Потому что замузанный работник коммунального хозяйства из Средней Азии в спецодежде (выцветшая форменная куртка, грязные джинсы, рваные кроссовки, непременная кепка с патриотической надписью RUSSIA над козырьком) давно уже для всех нас не посторонний. Наоборот, привычный и почти родной. Так и скажет самый глазастый из бдительных: «Таджик проходил из ЖЭКа. Вечно тут шляются». А на вопрос, почему именно таджик, удивится и сам же спросит: «А кто еще?»

Я и смотрелся со спины как тот самый таджик, и шел, как все они, мелкими шажками. И головы не поднимал, хотя нет в нашем подъезде видеоглазков. Зачем они, спрашивается, когда здесь проживает самый настоящий товарищ милицейский полковник из полиции?

Поднялся наверх, без проблем открыл дверь на чердак. Она у нас с врезным замком, соседи думают, что такой труднее вскрыть. Аккуратно запер за собой дверь, устроился в уголке и притих. Сигарет не курил, пива не пил, музыки не слушал. Просто сидел и ждал. Это, если хотите, тоже надо уметь. Меня научили, спасибо родной конторе. Бывшей родной.

Около двух часов поутру встал, стараясь не производить шума, легонько размялся. Стащил с себя коммунальные доспехи и остался в темной свободной куртке и того же цвета широких брюках. Достал кое-что из мешка, побросал туда ненужные шмотки. Улики на месте работы оставлять не стоит.

Закрепил на одной из балок трос, пяясь и заматавая маленьким веником следы, поднялся на крышу. Аккуратно спустил оба конца троса вниз. Перед началом спуска надел поверх обуви медицинские бахилы.

Его трехкомнатная квартира находится двумя этажами выше и как раз над моей, двухкомнатной. Это не прихоть архитектора, просто соседка в свое время приобрел в нашем доме не одну, а целых две квартиры. И просто сломал стену между ними.

И все-таки он точно разгильдяй. Мало того, что квартира не оборудована средствами охраны, так еще и окошко приоткрыто. Приходите, дескать, гости дорогие, не стесняйтесь. Я и просочился.

Жилище свое полковник обустроил в полном представлении о том, как должен жить настоящий полковник. Ковры на полу, штук шесть плазменных экранов. Оружие на стенах, огнестрельное, от винчестера начала прошлого века до скромной тульской «малопульки», и холодное: палаши, шашки, кортики, малайские крисы, мачете и даже парочка самурайских мечей на специальной полочке. Большой, чтобы шинковать супостатов, и маленький для вскрытия брюха самому себе, если что не так. А также головы: медведи, лисы, волки, кабаны. Ни одной человеческой, что радуется.

Сексодром три на три метра в спальне, бар на полсотни стволов и массивный двухтумбовый письменный стол в кабинете. И сейф справа от него у стены. Выше моего роста, сильно смахивающий на шведский SDO 3700E повышенной надежности. Но, слава богу, не он, а так... «привет из Азии», недешевая игрушка для лохов с понтами. Времени, чтобы вскрыть его, понадобилось чуть больше, чем на возню с замком в двери на чердак.

Два загранпаспорта поверх папок с бумагами на верхней полке. Ниже стволы, «ТТ», «беретта» и травматик. И, собственно, то, за чем я сюда заглянул, на третьей полке сверху: разноцветные, перетянутые резинками пачки: евро, доллары и даже рубли.

Быстренько перегрузил денежку в рюкзачок и двинулся на выход. Спустился двумя этажами ниже к себе. Дернул за свободный конец троса, узел сам собой и развязался. Осталось только затащить все свое к себе. Да, едва не забыл, напоследок оборудовал жильё пострадавшего кое-чем из собственного арсенала. И самую малость нахулиганил, оставил на память о своем визите икебану в спортивно-охотничьем стиле. Ею-то они сейчас и любят.

– Красиво, – оценил Михалыч.

Более чем: оскалившая клыки кабанья морда на той самой полке, где раньше деньги лежали. В форменной полицейской фуражке набекрень. Прощальный привет хозяину от гостя.

Глава 10

Во всех отношениях поучительная

- Полюбовались? – с обидой в голосе спросил потерпевший.
- Какая прелесть! – отозвался Олег. – Можно снимок на память?
- Михалыч промолчал.
- Как хотите, но я вызываю группу, – заявил хозяин квартиры.
- Шас, – это опять Олег. – Только не из нашего околотка, а сразу с Петровки.
- Забудь, – молвил Михалыч. – Положи трубку на место и раскрой уши.
- Товарищ майор, – в голосе настоящего полковника зазвучали стальные нотки, – что вы себе позволяете?
- Цыц! – рявкнул Олег. – В кабинете у себя телефонами да факсами командуй. Это в отделе ты большой начальник, а в нашем коллективе – ноль без палочки. И приняли мы тебя в стройные ряды только из-за дяди в министерстве. Так что присядь, накати для успокоения нервов граммулку и внимательно слушай, что старшие скажут.
- Я...
- Присядь и слушай, – негромко повторил Михалыч. Тяжелый вздох и скрип принявшего тушу кресла.
- Так что делать?
- Хороший вопрос, – весело проговорил Олег. – Главное, исконно русский.
- Я серьезно.
- Я тоже, – без намека на шутливую игривость отозвался тот. – Отвечаю, ничего не надо делать. Утрись и живи дальше, только голову почаще включай. А что касается тех, кто тебя обнес...
- Того, – поправил Михалыч. – В квартире работал один человек. С одной стороны, умелец, каких поискать, с другой – лох полнейший. – У меня от удивления взлетели до макушки брови.
- Не понял, – пролепетал обалдело настоящий полковник, телефонов начальник и факсов командир. Он же потерпевший. – Ведь никаких же следов!
- А что ты хотел? – опять расхохотался Олег. – Полную квартиру отпечатков, бутылку из-под портвейна, гору окурков и билет на электричку до Задрючинска? А может, забытый злодеем паспорт на ковре? С пропиской.
- Во-первых, отсутствие следов – уже само по себе является следом, – пояснил для дурачков, то есть для соседа и, получается, меня, Михалыч. – Следки остались, правда, постороннему взгляду невидимые. И все равно я бы этого шустрилу за неделю отыскал, отвечаю.
- Я вздрогнул и облился жарким потом. И еще вдруг ощутимо кольнуло в груди под рубашкой. Как пелось в одном блатном произведении моей юности. Раньше такие по подворотням гундосили, сейчас в Кремлевском дворце исполняют. В сопровождении хора и оркестра МВД. Потряс головой, закурил и приготовился слушать дальше.
- Ну, так отыщи! – взвыл терпила. – Он у меня!.. – и дружный хохот на два голоса был ему ответом.
- Михалыч, а он точно ни хрена не догоняет, – заметил Олег и уже обращаясь к впавшему в истерику соседу: – Я говорил, что у меня папаня на флоте служил, нет?
- Нет.
- Значит, сейчас говорю. Слушай сюда флотскую байку с большим смыслом.
- Зачем?
- Ты слушай, может, поймешь чего. – Шаги, звуки льющейся жидкости. Видно, рассказчик решил принять чуток для вдохновения. – Итак, был в одной дивизии подводных лодок

на Сахалине начальник политотдела в звании капитана первого ранга, то есть полковник. Весь из себя успешный, у начальства в любимчиках, первый кандидат на повышение. До «мухи», в общем, рукой подать.

– До чего?

– До звезды адмиральской, так на флоте говорят, – пояснил для сухопутных. – Итак, приходит этот дядя как-то утречком на службу, отпирает дверь персонального кабинета, а там говно. Кто-то ему ночью на стол нагадил!⁶ – хохотнул. – Вот ты, Паша, что бы сделал на его месте?

– Как это что? Нашел бы ту суку и заставил сожрать все, что наложил!

– Вот и тот шум поднял на весь мир, даже официальное расследование затеял, Шерлок Холмс хренов. Виновного, естественно, не нашли и... И на этом его карьера встала на мертвый якорь. Повышение накрылось большим медным тазом, а через годик этого комиссара вообще перевели на плавбазу. Оттуда на пенсию и выкатили. По возрасту.

– Это еще почему?

– Да потому что оказался он таким же безмозглым кретином, как и ты. – К моему величайшему удивлению, сосед даже не попытался взвиться орлом и начать кукарекать. Проглотил все как миленький. – Ты прикинь, кем стал для всех после того случая тот политработчий? Правильно, тем самым капитаном первого ранга, которому нагадили в кабинете. То есть клоуном. – Я вздрогнул и вытер пот со лба. – А клоуны на флоте ни к чему, там и без них весело. Да и нам без надобности.

– Значит, – скорбным голосом молвил несчастный, – просто так все простить? Этот урка, значит...

– А кто тебе сказал, что это был урка? – вкрадчиво спросил Михалыч. – Может, кто-то из команды Рывкина постарался. Они давно на нашу тему облизываются.

– Теперь понял, брателло, что лишний шум нам ни к чему? – участливо сказал Олег. – Если хоть что-нибудь просочится, у всех нас большие проблемы нарисуются. Ты понял, спрашиваю?

– Да, – прозвучало пискливо и жалко.

– А вот теперь слушай еще внимательнее. – Голос Михалыча по-прежнему звучал негромко, но... Не знаю уж, как кому, но лично мне сделалось страшновато. – Ты что думаешь, мы с Олегом и еще кое-кто из наших тебя беднее? Ответь, пожалуйста.

– Нет.

– Правильно, в нищете среди нас никто не замечен. А живем много тебя скромнее, на «Хаммерах» не разъезжаем, больших денег дома не держим. Кстати, сколько там у тебя было?

– Тысяч семьдесят евро. – Ах ты врунишка! – Ну, и в рублях...

– Значит, так, переезжаешь в квартирку поскромнее и от центра подальше. Обставляешь ее мебелью по зарплате и пересаживаешься на тачку подешевле, настоятельно рекомендую поддержать отечественного производителя.

– На «Приору», что ли? – прорвалось сквозь рыдание. – Как у хача с рынка?

– Можешь на «Калину», – подсказал Олег, – желтую, как у президента. Да, и перестань таскать пушку под кителем. Уже бомжи в обезьяннике смеются.

– Сроку на все месяц, – веско молвил Михалыч. – Не уложишься или еще раз косяк упорешь, уволим на пенсию из нашего профсоюза, никакой дядя не поможет.

– А знаешь, как от нас увольняют? – голосом Арины-сказительницы сообщил Олег. – Красиво и торжественно, с цветами и музыкой. А потом еще застолье устраивают, только

⁶ Эта красивая история действительно имела место много лет назад на Тихоокеанском флоте. Автору о ней поведал папа, самый настоящий подводник, командир Пятой боевой части в прошлом. Еще на «Сталинцах» начинал. Продолжил на более серьезных аппаратах. Под берега Америки несколько раз хаживал. Серьезный, короче, мужчина.

виновник торжества на нем не присутствует. Потому что лежит в деревянном ящике и земля вокруг пухом.

– Мужики...

– Тебе сказали, ты услышал, – сообщил, видимо, уже у порога Михалыч. – Шутки закончились, постарайся поумнеть. Иначе...

– И моли бога, чтобы тот, кто тебя обнес, тоже резко поумнел и в ближайшие годы не попался. Иначе пенсии тебе не избежать, – попрощался с хозяином Олег.

Дверь захлопнулась, сосед гнусно выматерился, а потом завыл в голос. И остался горевать один, совсем один, не считая крошечных «жучков» в раскрытых пастьях убиенных зверей. А я допил пиво и принялся, как те же флотские говорят, морщить репу. Оказывается, грабить и воровать на контору и для себя лично – две очень большие разницы. Там меня мало того что страховали и обеспечивали. После каждой операции я мигом покидал не только место (язык не поворачивается сказать «преступления») работы, но и страну, а сейчас предстоит вкалывать исключительно на родных просторах и в одиночку. Стоп, а кто сказал, что продолжение последует? Ну, не знаю. С одной стороны, неудобно вроде бывшему офицеру ГРУ промышлять таким, а с другой... Тех, кто наворовал деньжищ, в России пруд пруди, и никого из них мне ни чуточки не жаль. К тому же меня этому старательно учили и вроде как неплохо выучили. В конце концов, не пропадать же диплому, как заявил недавно на всю страну назначенный заместителем министра бывший выпускник сельского ПТУ.

* * *

В субботу утром я подъехал к Косте.

– Привет, это я.

– Здорово, – неживым голосом отозвался он. – Ты где?

– У тебя во дворе.

– Поднимайся.

– Лучше ты спускайся.

– Что это? – удивился Константин, когда я извлек из бардачка черный пластиковый пакет и бросил ему на колени.

– Посмотри.

– Толян, – он поднял голову и глянул ошалело. – Да тут... – все не мог поверить увиденному.

– Сто восемьдесят тысяч евро и сколько-то там в рублях.

– Это больше, чем надо.

– В самый раз, Тошке на реабилитацию и на прочие расходы.

Он замолчал и уставился в окошко. Плечи у Кости вдруг задрожали. Оказывается, не только богатые плачут, но и очень даже серьезные и сильные мужчины. Если жизнь прижмет, а она, сука такая, знает, когда и как.

– Я всегда буду это помнить, – повернулся, вытер ладонью лицо, – пока живу. И...

– А вот это лишнее. Забудь, и прямо сейчас. А если кто спросит... Ну, придумай что-нибудь.

– Ох, Толян... – По-моему, он что-то понял. Хотя лучше, чтобы нет.

Часть вторая

– Скажите, а как вы стали клоуном?

– В детстве, как все, мечтал быть космонавтом, но в четвертом классе меня укусил клоун.

Цирковой анекдот

– Как вам коньяк?

– Ммм... Нет слов! – гость закрыл глаза и покачал головой в приливе пищевого восторга. – А можно еще капельку?

Публика в тот самый ресторан на Семеновской начинает собираться часам к восьми вечера. Поэтому без нескольких минут в полдень полукруглый зал был совершенно безлюден, если не считать нескольких симпатичных девушек в форменных платьицах и фартучках, лощеного администратора да устроившихся за столиком у окошка двоих мужчин. Один из них, худощавый с проседью брюнет в строгом темно-сером костюме, по-хозяйски поманил пальчиком официантку, и та подлетела стрелой. Осветила зал улыбкой, почтительно выслушала заказ и бодренько умчалась. Вскоре вернулась и принесла два кофе и мелко нарезанный, посыпанный сахарной пудрой лимон. Брюнет достал из портфеля серебряную фляжку в кожаном футляричке и разлил темно-коричневый напиток по пузатым рюмкам. А вскоре повторил упражнение. По заявкам.

Самое интересное, что никто из прислуги даже не попытался затеять гнилой базар на тему, что здесь, между прочим, приличный ресторан, а не вокзальный буфет, куда каждый может заявиться со своим бухлом. И что курить здесь не следует, потому как вредно. Персонал прекрасно знал одного из этой парочки, того самого брюнета, а также его шефа, которому это заведение, собственно, и принадлежало.

– Молодец, Игорек, – его спутник отставил в сторону емкость, потянулся было за сигаретами, но посмотрел на часы и отложил общение с никотином, – порадовал старика.

– Скажете тоже, старик.

И точно. Ну совсем не походил второй из сидящих за столом на дряхлого старца, хотя давно уже распрощался с цветущей и наивной юностью. Был он лет на пятнадцать постарше своего спутника, то есть находился на середине перехода между пятью и шестью десятками прожитых лет. Приятно упитанный, румяный и даже кудрявый местами. Одетый куда как легкомысленнее устроившегося напротив. Замшевая курточка, джинсы, яркий шейный платок под цветастой рубашкой. Бодрый и улыбчивый.

– Ну что, юноша, еще по глоточку и к делу? – с видимым удовольствием отхлебнул он и опять глянул на часы.

– Куда-то торопитесь, Юрий Ильич?

– Просто стараюсь сберечь остатки здоровья, – пояснил тот, – поэтому не более одной сигареты в час. Ладно, ближе к делу. Напомни-ка мне суть темы.

– Пару месяцев назад, – человека по имени Игорь совершенно не удивила привычка старшего товарища задавать наводящие вопросы, – вас наняли...

– Я старый и больной человек, – перебил его Юрий Ильич, якобы старый и как будто больной, – давно на пенсии. А когда меня туда провожали, настоятельно просили не шустрить на собственный карман. Поэтому частные заказы не исполняю, держу слово.

– А?..

– Просто мы как-то встретились за кружкой пива и немного разошлись во мнениях. Ты утверждал, что система безопасности загородного дома и офиса твоего работодателя совершенна и не имеет дырок. А я залил пивом рюмашку и заявил, старый дурак, что совершенных

систем в природе не бывает. Слово за слово, и мы поспорили на какие-то смешные деньги, что за два месяца я вскрою систему охраны и отыщу слабые места.

– И?

– С финансами у меня, сам понимаешь, туговато, так что пришлось вспомнить молодость. – Юрий Ильич достал из лежащей на свободном стуле стильной серо-зеленой сумки два файла с бумагами, один ощутимо толще другого, и бросил на стол. Подмигнул: – Вуаля! – и положил поверх извлеченную из нагрудного кармана флешку. – Читай и наслаждайся, шеф безопасности.

– Всего лишь его зам.

– Плох тот заместитель, что не желает схарчить собственного начальника и занять хлебное место. Читай, говорю!

Игорь послушно погрузился в бумаги. Минут через несколько поднял голову, глянул ошалело, раскрыл было рот, дабы произнести что-то вроде бессмертного: «Учитель, перед именем твоим...» Ничего, впрочем, не сказал и даже на пол не бухнулся. Раскрыл портфель, достал приятной толщины конверт и положил на стол между бокалом и пепельницей.

– Те самые смешные деньги.

– Хорошая добавка к пенсии. – Юрий Ильич уложил гонорар во внутренний карман и застегнул пуговичку. – На кефирчик и рыбку минтай к ужину.

– Даже не посмотрите, что там внутри?

– А надо?

– Ну что вы! – Игорь слегка освежил рюмки. – А не подскажите, как вам все это удалось?

– А давай еще раз поспорим, что не догадаешься?

– К сожалению, не предусмотрено сметой.

– Ну, на нет, как говорится... – пожилой перегнулся через стол и похлопал молодого товарища по плечу. – Кое-что для тебя персонально и устно. В награду за коньяк.

– Слушаю.

– Первое: горничная в загородном доме по имени Настя. Миниатюрная, с пышными формами. Крашенная брюнетка.

– Помню такую. А что с ней не так?

– Все так, только уж больно слаба на передок, а потому ночами регулярно забегает к дежурному в комнату видеонаблюдения. Помогает переносить тяготы службы. В разнообразных позах. На диванчике.

– Интересно. К кому конкретно?

– Ко всем. У девушки не по росту большое сердце.

– Это все?

– Нет, есть еще референт твоего хозяина по имени Виталий. Знаешь такого?

– Естественно.

– Молодец.

– Тоже куда-нибудь бегают по ночам?

– Насколько мне известно, нет.

– Что тогда?

– Шпилит, то есть проводит слишком много времени за карточным столом. Исключительно в свободное от основной работы время. Недавно проигрался в пух и прах. Ему вообще в последнее время активно не везет в игре.

– Надо же.

– Тонко подмечено, – кивнул Юрий Ильич, аккуратно загасил окурок в пепельнице, задумчиво посмотрел на опустевшую рюмку и еле слышно вздохнул. Младший товарищ намек понял правильно. – И напоследок. Павел, персональный водитель твоего шефа, помнишь такого?

– Ну, конечно.

– Месяц, как подсел на наркоту.

– Это точно?

– Обижаешь.

– Извините.

– Проехали. – Юрий Ильич допил коньяк и отставил опустевшую рюмку в сторону. – Ладно, не буду тебя больше задерживать. Это у нас, пенсионеров, времени навалом, а у тебя каждая минута на счету.

– Юрий Ильич, а как вы посмотрите на то, чтобы поработать в нашей службе на постоянной основе? – тонко усмехнулся Игорь. – Каждый месяц с вами будут заключать пари на достаточно приличные суммы, гарантирую.

– Рад бы, Игорек, да здоровье уже не то. – Собеседник сокрушенно покачал головой. – И вообще, уезжаю я скоро.

– Опять в Эмираты?

– Туда.

– Надолго?

– Пока не соскучусь по родным березкам. – Встал, протянул руку. – Удачи.

Ни в какие Эмираты милейший Юрий Ильич, конечно же, не собирался. Тем же вечером улетел в Азию, только Юго-Восточную. Туда, где климат помягче, народец попроще, а самое главное, никто не встает между человеком и его желанием слопать свиную отбивную, запить ее чем-нибудь покрепче воды и отправиться на ночлег не в одиночку. Куда конкретно? А черт его знает. Точно известно, что не в Тайланд и не Кампучию. Кандидатуру первой из этих стран отверг по причине общей политической нестабильности и чрезмерной заплеванности туристами из России. А еще у отъявленного бабника (таких нынче модно называть жизнелюбями) серьезное опасение вызывал разгул СПИДа и чрезмерная экзотика тамошней сексуальной жизни. Это когда на легком поддагии вечером в баре знакомишься с симпатичной и отзывчивой девушкой, а наутро выясняется, что чудно провел ночь со сменившим пол бывшим бойцом киргизского ОМОНа.

А в населенной самыми красивыми в регионе женщинами Кампучии в последнее время наблюдается слишком бурный рост одной из отраслей экономики на уровне, можно сказать, национального проекта. И называется эта прелесть: «Развести русского лоха на бабки». Не поверите, но все население, включая правоохранительные органы, только этим и занимается. Так что он поверил и не поехал.

За год до описываемых событий Юрий Ильич прикупил за смешные по российским меркам деньжата виллу на побережье совсем в другом месте в том же регионе, где и рассчитывал пожить в свое удовольствие и доскрипеть до глубокой старости. Однако буквально через неделю после приезда как-то вечером с аппетитом поужинал с шампанским и отправился на ночлег не в одиночку. А наутро не проснулся.

Второй из пивших заряженный хитрым ядом коньяк, Игорь, если помните, почти не пострадал, разве что морально. Узнав о безвременной кончине старшего товарища и бывшего наставника, даже немного взгрустнул и хлопнул рюмашку за упокой души. Не сомневаюсь, скорбь его была бы куда более глубокой, узнай бывший ученик о том, что старый лис умудрился слить информацию еще кое-кому. Одни из них заплатили втрое, другие не дали ни копейки, зато выразили устную благодарность.

Глава 11

Раскулачить атамана

Дальнее Замкадье. Некоторое время спустя. Весна.

Раздолбанное невнятно-блеветного цвета детище отечественного автопрома пятой марки бодро про-пры-га-га-ло по ухабам грунтовки и остановилось у выезда на федеральную трассу. Я вылез наружу и, держась за поясицу, унылой старческой трусцой перебежал через дорогу и укрылся в кустах. Извлек дешевый одноразовый телефон, отыскал единственный забитый в память номер и нажал на зеленую кнопку.

– Здорово, брат, – прозвучал в ухе такой приветливый и совершенно незнакомый голос. – Как ты?

– Нормально.

– Справился?

– Естественно.

Не самое трудное было дело. Заехал вечерком в поселок Казачий, здешнюю Барвиху, дождался, пока успокоятся и отойдут ко сну губернские станичники с гостями. А гулеванить те закончили часам к двум, потому что чрезмерно устали отдыхать накануне. В общем, запили стремянную закурганной да и разошлись по койкам, поодиночке или кто с кем. Страстно промычал напоследок из окна трехэтажной фазенды в виде парусника по соседству с участком клиента заслуженно забытый кумир домохозяек девяностых:

...ыы меня люююбишь, ... я тебя люююбишь. Оооо!!!! Это чу...

И заткнулся на полуслове. Дальше только тишина. Областная элита изволили отойти ко сну. Охраняющие ее покой суровые мужики в камуфляже степенно откушали водочки и тоже разбрелись дрыхнуть, кто в дежурку, кто в служебные авто.

Я подождал еще часок, потом прогулялся по окрестностям – полный порядок. Спят все, как застреленные, жильцы с гостями по домам, домикам и домишкам, бдительно храпит охрана. Без задних ног дрыхнет, спровадив гостей и спустив с поводков здорового кавказца и мелкую брехливую шавку, и мой клиент, в самом ближайшем будущем – потерпевший.

А в припаркованном снаружи поселка микроавтобусе с надписью по бортам: «Макароны, которые заслуживают ваше доверие» храпят в три горла хреновы конспираторы, штирлицы из областного ФСБ, вторую неделю плотно пасущие нашего общего знакомого. Ближе к полуночи на участок к тому подвезли девок, и в бане началось такое... В общем, служивые послушали-послушали, возбудились и напрочь потеряли бдительность. А я тихонько подкрался и кое-что забросил в полуоткрытое окошко машины.

Глянул на часы: пора, однако. Раскатал края вязаной шапочки, накиннул на плечи рюкзачок. Перекрестился, всегда так делаю, с тех пор как начал всем этим заниматься, и ужом проскользнул через дыру в сетчатой ограде.

Перелез через трехметровый забор, обошел сопящего и повизгивающего во сне волкодава. Вольготно расположившийся на нем крохотный напарник похрапывал и грозно рычал. Их обоих скоропостижно сморило после незапланированного халявного ужина в виде трех килограммов говяжьей вырезки. С полезными для моего здоровья биологически-пассивными добавками.

Обошел флагшток со знаменем. А клиент-то у нас патриот. Двуглавую птицу на ворота прилепил, знамя во дворе вывесил, по утрам небось гимн стоя исполняет. А по вечерам «Любэ» с корешами да с девчатами слушает и громко подпевает. Вся округа слышала. А еще государственный служащий ко всему прочему. Цельный руководитель дорожного департамента области.

Любовь к отечеству всегда вызывала у меня глубокой уважение. Но, блин, не до такой же степени! Этот деятель, как выяснилось, берет откаты со взятками исключительно в отечествен-

ной валюте, причем разного достоинства. От пятитысячных до пятидесятирублевых купюр. Битком набитый сундук у него скрепленных резинкой разноцветных пачек. По крайней мере, был таковым до моего визита.

Матерясь сквозь зубы, я наполнил рюкзак да клетчатую матерчатую сумку, верный спутник челнока из девяностых. И что самое интересное, опустошить сундук получилось только наполовину. Не ту, однако, я выбрал профессию! Ох, не ту!!! Надо было дороги строить. Чтобы потом ремонтировать.

Пыхтя от натуги, перебросил добычу через забор. В поясице громко хрустнуло. Перелез сам и, тяжело дыша и повизгивая от боли и жалости к самому себе, поволок честно украденное дальше. Метров через шестьсот погрузился в тачку. Собственно, все, справился.

Он подкатил и остановился неподалеку. Я присмотрелся. Не первой молодости «ЗИЛ» с ярко-синей цистерной на прицепе. Ничего не скажешь, остроумно. Такую машину гайцы на посту не только проверять не будут, но и тормозить не подумают. Любую другую, пусть даже самую навороченную, – возможно, а эту никогда. Потому что с ассенизаторской машины, дерьмовозки, по-русски говоря, ничего интересного, кроме того, что находится в цистерне, не поимеешь.

Водитель вылез из машины и на всех парах рванул к моему «жигуленку». Извлек из багажника рюкзак с сумкой, быстренько вернулся и забросил то и другое в кабину. И опять принялся мне названивать.

– Аллю, ты где?

– Можно я отвечу в рифму?

– Слушай, тут старшие с тобой хотят встретиться.

– Зачем?

– Просто поговорить и заодно гонорар передать. Или ты уже свое снял?

– Не понял. – Из взятых денег себе я, как всегда, не отложил ни рубля, платили мне всегда после работы по строго отработанной схеме. И ни разу никто не пытался перейти со мной на личную связь.

– Выходи, ты тут где-то рядом, меня просили кое-что передать тебе лично.

– Не в этой жизни, – сурово ответил я.

Отключил трубку, извлек сим-карту, согнул и засунул под травку. Тот красавец еще немного потерзал свой телефон, потом плюнул и укатил прочь. А я припустил через лесок к станции. В раздумьях, что же такое произошло, что работодатели, старшие, как сказал тот мужик, вдруг наплевали на все правила с договоренностями и возжелали общения. То есть похерили все те условия, что принимались при вхождении мной в систему.

Глава 12

Вперед по дороге, ведущей в никуда

– Система! – веско заявил человек, когда-то обучивший меня многому, дружбе с разного рода замками в том числе.

После акции с настоящим полковником я успел как следует отвести душу на югах, вернуться, остаться без квартиры (продал за копейки, так получилось) и даже оформить отточку. Чуть позже расскажу об этом. Тут-то и решил, что сама судьба меня подталкивает, причем в строго определенном направлении. Вот и напросился в гости.

Ничего не выдавало в этом человеке выхода с противоположной стороны закона. По фене не гундел, чифирь, на корточках сидя, не употреблял, тело картинками синего цвета (купола, кресты, звезды, кинжалы и прочая прелесть) не украшал. И совсем не было в нем ни трусливой наглости, присущей мелкой прибалтненной шелупони, ни давящей властности, отличающей верхушку уголовного мира. Тихий голос, грамотная речь, приятные манеры. Худощавый, среднего роста, с неприметными правильными чертами лица. Немногословный, крайне скупой на похвалу.

Полтора года он обучал нас, группу из восьми юных разведчиков, искусству открывать то, что не нами заперто. А потом еще проводил мастер-классы. Индивидуально с каждым. Четыре года назад в нашу последнюю встречу после экзамена на немецком, в полтора мои роста банковском сейфе молвил: «Неплохо» и даже слегка меня приобнял. А потом я обнаружил во внутреннем кармане куртки сложенный вчетверо листок бумаги с семью цифрами, именем и припиской: «Если вдруг».

Если бы такое произошло в начале карьеры, непременно доложил бы по команде. А тут не стал, повзрослел потому что.

– А ты вовремя. – Я застал профессора взломных наук, мага и кудесника ремесла и бывшего собственного наставника, на чемоданах. В буквальном смысле. Он, кстати, почти не изменился, только обзавелся шкиперской бородкой да очки стал носить. По-моему, без диоптрий.

– Куда-то уезжаете?

– Отсюда и с концами. – Сбросил со стола какие-то бумаги и извлек из комода бутылку простой русской водки и пару стаканов. Наполнил каждый ровно наполовину. – Давай, рассказывай.

Я глотнул, занюхал ладошкой, закурил и начал.

– Да... – с некоторым удивлением молвил он. Налил еще и угостился куревом из моей пачки. – Признаться, не ожидал.

– Жизнь, блин, такая, – заныл я.

– Да я не об этом. – Прикурил от моей, опять же, зажигалки. – Чтоб ты знал, кроме тебя я только двоим оставил свои координаты.

– И?

– Ты единственный, кто отозвался, – он невесело усмехнулся. – Если честно, из них из всех ты казался самым правильным.

– Стойким оловянным солдатиком?

– Что-то вроде того, – кивнул мой наставник. – Ну и как собираешься жить дальше?

Выслушал мой, как сейчас уже понимаю, жалкий лепет, поднял свой стакан, отсалютовал мне, медленно перелил в глотку содержимое. И даже не поморщился.

– Жопа. – Впервые услышал от него нечто подобное.

– Это еще почему?

– Да потому что, – воздел он палец к потолку, – система.

И вкратце пояснил мне, недоумку, что все и давно уже в обожаемом отечестве, не только добыча нефти с газом и торговля чем угодно: прокладками, картошкой, оружием, водкой или наркотой, поделено, строго организовано и встроено в систему. Судьба же одиночки в любом бизнесе, особенно криминальном, печальна, а жизнь коротка. Коллеги по ремеслу сами же отыщут и сдадут. А то – еще чего похуже.

– Так что же делать? – огорчился я.

– Отправляйся на курсы машинистов, – на полном серьезе посоветовал бывший наставник. – Там и стипендию платят, и спецодеждой обеспечивают.

– А?..

– А если все-таки решил работать по специальности, изволь вести себя правильно.

– Это как?

– Дам тебе один номерок. – Опять налил, буквально по капельке. – Звякнешь, скажешь, что от Химика.

– От вас то есть?

– Ну да. – Он откинулся назад, уперся затылком в стену и опять закурил. – Они заинтересуются, отвечаю. Я редко кого рекомендую.

– Спасибо.

– Не за что, – махнул рукой. – Ты, главное, не забывай, чему тебя там, – мотнул головой, – другие учили.

– Вы о чем? – во мне на минутку проснулся офицер разведки, пусть и бывший. Со всеми этими подписками и прочей конспирацией на ровном месте.

– Я тебя умоляю... – и кое-что пояснил. На пальцах буквально. Для особо непонятливых.

Почти ничего нового, все действительно так и этак, чему учили. И кое-что, самую малость, еще. С тех пор так и живу. Потому что основное правило моей жизни и работы – личная безопасность. А метод ее достижения – граничащая с паранойей осторожность. Никаких личных контактов с работодателями, тщательная проверка и перепроверка получаемой от них информации. Максимум скромности и незаметности в быту. Минимум внешних контактов.

Никогда не держать в квартире, где живешь, чего-либо способного вывести на твой след. Всегда быть готовым покинуть эту самую квартиру за пару минут. Стараться пореже ночевать в одном и том же месте.

Всех опасаться и никому не верить. Никто и никогда, если что, не поможет и не спасет. Несмотря на все заверения, обещания и прочие красивые воровские бла-бла-бла.

Действительно, все, чему когда-то учили. Почти. Именно так, с тех самых пор, как началось мое стремительное восхождение к вершинам дна, и живу.

Да, еще он дал мне два номера, по которым с ним можно связаться. А напоследок сказал:

– Что бы кто ни говорил, главное в нашей работе – фарт. А он не вечен. Поэтому не жди, когда закончится. Уйди из профессии на гребне успеха. Неожиданно для всех, а главное – для самого себя. И сразу скройся с экранов всех радаров. Тогда, может, и успеешь потратить то, что заработал.

Уже в дверях я спросил:

– А почему вы все это для меня делаете?

– Думал, уже не спросишь. – Он поднял очки на лоб. – Может, помогаю тебе найти истинное призвание. Или... – нехорошо усмехнулся. – Проехали.

– Или что?

– Понимаешь, – очки опустились, как забрало на шлеме, – когда-то меня крепко поимела система. Имею я право на обратку или как?..

Глава 13

Отчизны верные сыны

Подполковник ТС (таможенной службы) Иван Анатольевич Андреевский эту самую службу безмерно любил и понимал до малейших тончайших тонкостей. Именно поэтому стремился служить примером подчиненным всегда и во всем. С мелочей начиная.

Ровно в восемь утра он, как всегда, первым прибыл на пост. Припарковался на стоянке перед воротами. Вышел из автомобиля, прикурил от дешевенькой пластиковой зажигалки вышедшую ввиду дешевизны и низкого качества из моды у бомжей с трех вокзалов «Яву Золотую» и принялся ожидать появления любимого личного состава. Высокий, стройный, подтянутый, аккуратно постриженный и гладко выбритый. В тщательно отглаженной, самую малость потертой форме. Верный, сразу видно, слуга царев, из тех, кто мзду уж точно не берет и за которого державе ни разу не обидно.

Постепенно, один за другим, начали подтягиваться сотрудники, по двое или даже по трое в каждом автомобиле исключительно российского производства, что приятно. На «Приорах», «Калинах», а то и вовсе на «девятках». Все, как один, по примеру отца-командира опрятные и видом приятные. С легким оттенком бюджетной бедности. Радующие внешним видом сторонний взгляд и вызывающие полное доверие.

Вылезали из машин, уважительно с Иваном Анатольевичем здоровались и направлялись по рабочим местам в кирпичное двухэтажное здание с внушительной табличкой и флагом у подъезда. Очень напоминающим по виду отечественный военно-морской, только позеленевшим, как от морской болезни. Это когда содержимое желудка уже выbleвано, а легче все равно не стало.

Дождлся последнего, как всегда, опаздывающего. Оставляя за собой шлейф черного дыма, из-за угла на дикой скорости, километров пятнадцать в час, стреляя глушителем, выкатилось древнее транспортное средство. Заложило со скрипом и писклом вираж и, трясаясь, как в приступе эпилепсии, рвануло к стоянке. Настолько грязное, что первоначальный цвет и марка не подлежали идентификации.

Чтобы остановить это чудо автопрома, водителю пришлось отжать ручной тормоз и совершить ряд других вызывающих удивление действий, а завершать процесс уже «вножную», то есть высунуть из кабины нижнюю конечность и пропахать по гравии глубокую борозду метра два длиной.

Досмотровой инспектор Ромочка вылез наружу, любовно погладил свою «ласточку» («четыреста восьмой» «Москвич» шестьдесят девятого года выпуска, согласно техпаспорту) по боку и брезгливо вытер руку о замызганные форменные штаны.

– Однако, – Андреевский глянул на часы, старенькие именные «Командирские». – Опаздываете, дружок.

– Виноват, шеф, – белозубо улыбнулся нарушитель, даже не пытаясь сделать вид, что сгорает от стыда и больше не будет. – Пробки, мать их.

– Иди работать, Рома, – махнул рукой тот, строгий, но справедливый.

Топай, перспективный ты наш, трудись во славу отечества и готовься к серьезному карьерному росту.

Скажите, вы Маркса почитывали в редкие минуты досуга? Не Маркеса, а именно его, Карла нашего, Генриховича? Нет? Ну и ладно. Короче, века полтора назад он навалил бестселлер про призрака, что бродил, как последний бомж, по Европе, а прописался почему-то в России. Всем остальным, этого счастья избежавшим, на радость. А сейчас по бескрайним просторам отечества шляется на хилых ножонках еще одно нелепое создание по имени «борьба с коррупцией». Тычется во все двери да вламывается порой, где не заперто. Там же,

где заперто, но очень нужно, в дело вступает компаньон этого создания с погонялом «конкурентная борьба». Кому надо заносится суммы, в результате чего двери «недрузей» отворяются, а то и выламываются. И такое начинается...

Полгода до описываемых событий карающая рука закона добралась до таможенного поста «Костровский». В отношении его начальника и зама возбудили уголовные дела. Первый молчал как рыба налим об асфальт, поэтому угодил в СИЗО. Второй принялся активно сотрудничать со следствием и остался на подписке. Через три месяца состоялся суд. Начальник вышел на свободу ввиду слабой доказательной базы обвинения, а зам огреб семь лет строгого режима. Остальные сотрудники разлетелись кто куда: укреплять собой другие таможенные органы или ударно трудиться на стройках капитализма, то есть в бизнес⁷.

Прибывший во главе новой команды на замаравшийся коррупцией пост подполковник ТС Андреевский железной рукой навел строгий, можно сказать, революционный порядок. Начал, как водится, с внешнего вида, то есть с причесок, туфель, носок и находящихся у личного состава при себе и на рабочих местах аксессуаров. Решительно осудил и потребовал прекратить ношение золотых, с вкраплениями из углеродов, украшений, равных по стоимости одно- или даже двухкомнатной квартире где-нибудь в Свиблово или Новокосино. Потом запретил приезжать на службу на дорогих иномарках. С этой целью со владельцами расположенной в полукилометре от таможенного поста автостоянки была проведена соответствующая беседа и даже занесены кое-какие деньги.

Результатом этого явилось появление шлагбаума, укрепление ограды и полная смена охраны. Вместо пожилых алкашей стоянку теперь стерегли сотрудники местного ОМОНа. В свободное, естественно, от основной службы время. А прибывающий на приличных машинах личный состав теперь перегружался в отечественные, приобретенные исключительно в автокредит транспортные средства (кое-кто там же и переодевался), и уже на них следовал к месту службы.

Все правильно, не хочешь, чтобы кто-то интересовался источниками твоего благосостояния, не демонстрируй его нагло и открыто. Помни, что Римская империя, какой крутой ни была, один черт погибла исключительно от роскоши. Подчиненные подполковника вникли и прониклись. Все, кроме юного Ромы.

Тот на приказ начальника, конечно же, в открытую не забил. Поступил еще хуже: исполнил, но довел до абсурда. Стал подкатывать к месту службы на, иначе не скажешь, ... тачке конца шестидесятых годов прошлого века выпуска. А внешний вид его вызывал ни в коем случае не симпатию и сострадание, а омерзение. Замызганные портки и куртка с неряшливо наложенными на локти, колени и задницу заплатками, потерявшая первоначальный цвет вызывающе засаленная рубашка и располагающийся в районе пупка лоснящийся, как керченская селедка, галстук на растянутой резинке. А еще «Патек Филипп» за восемьдесят тысяч евро и ботиночки из крокодиловой кожи за «пятерочку» в той же валюте для комплекта.

И ничего, стервец такой, не боялся. Свято верил, что папаня, заместитель начальника одного из главных управлений ФТС⁸, в обиду любимое чадо не даст и, если что, одним звонком разрулит любую проблему.

⁷ Потому что заелись и нюх потеряли. Незадолго до этого сборная бригада ФСБ и Следственного комитета совершила внезапный рейд на другой таможенный орган, тот, что на шоссе Энтузиастов, кто надо, поймет. Так вот, пока закон под руку с порядком карабкались на пятый этаж (лифт вдруг сломался), из окон успели повыбрасывать все ненужные документы и печати «левых» фирм. Обнаружение которых грозило всему личному составу продолжительной командировкой куда-нибудь в знойную Мордонию. От трех до десяти лет не самого общего режима. А еще сверху пролился щедрый дождь из иностранной валюты. Весьма до хрена, по заслуживающим доверия данным. Все эти дары волхвов специально подготовленные люди быстренько собирали в пластиковые мешки для мусора и оттаскивали в сторонку. Так что остались те следки и «фэбосы» с носом и со зла исключительно мелко напакостили. Наябедничали о звездочках на погонах и эмблемах на петлицах личного состава из чистого золота. Подумаешь.

⁸ ФТС – Федеральная таможенная служба.

Любое действие, как известно, вызывает равное по силе противодействие. Андреевский наглого щенка прессовать не стал, наоборот, объявил тому три подряд благодарности за ревностное исполнение службы и написал представление на вышестоящую должность. Так что в самое ближайшее время Ромочке предстояло стать старшим инспектором.

Только совсем на другом посту. Закрытого типа, предназначенного для оформления грузов исключительно для организаций Министерства обороны, ФСБ и Федеральной службы охраны. Вот пусть и потрудится за ОДНУ голую зарплату, которой со всеми надбавками вряд ли хватит на пиво, сигареты и заправку новехонького «Бентли». И хрен он оттуда куда-нибудь переведется: «черной меткой» помеченного никакой папа не спасет.

Кстати, папы, шибко крутого перца, Андреевский совершенно не боялся. Во-первых, Иван Анатольевич и сам не был круглой сиротой, на такие должности просто так, по объявлению, не назначают. А во-вторых, под Роминым родителем в последнее время кресло не просто закачалось, а превратилось прямо-таки в катапульту, способную запустить в нем сидящего черт знает куда. С реальной возможностью жесткого приземления, например на нары.

Он прошел в скромный служебный кабинет с табличкой. Устроился под зеленым флагом за столом, включил компьютер и углубился в работу. Слева от флага располагалось фото президента в военно-морской шапке с козырьком, а справа и пониже – известного актера без головного убора, зато на баркасе. Кабинет или даже часть его интерьера многое могут сообщить о своем хозяине. В данном случае изображение легендарного Верещагина тонко намекало любому находящемуся в теме посетителю, что с Андреевским И. А. дело иметь МОЖНО только со всем возможным уважением и по уму. То есть не стоит пытаться его обмануть, потому что свое дело подполковник знает туго. И уж точно не следует тупо быковать, пугать связями в сферах или грозить визитом «бойцов, махачкалинских борцов». Не тот человек.

В окно заглянуло солнце, стало жарковато. Кондиционер Иван Анатольевич, по причине его отсутствия, включать не стал. Поднялся, застегнул на все пуговицы форменный китель и отправился обходить владения.

Прошелся по этажам, заглянул в кабинеты, потом вышел из здания и отправился на грузовой двор. Миновал одну фуру, вторую, третью. Лично проконтролировал выгрузку коробок с компьютерами на склад для досмотра с пересчетом мест и взвешиванием.

Подошел к машине с бело-синим кузовом.

– Что здесь?

– Минеральная вода из Франции, – отозвался водитель, средних лет мужик со смышленным, как у большинства трудящихся на международных линиях дальнобойщиков, физиономией. – Без газа.

– Она самая, – подтвердил потный инспектор из доверенных, что составлял на коленке акт досмотра.

– Откройте тент и подготовьте технологический проход.

Не поленился залезть в кузов и лично осмотреть ряды затянутых в полиэтилен ящиков. Спрыгнул на землю, отряхнул руки, вытер платком лоб.

– Ну и жара.

– Может, водички? – засуетился водила. – Ящичек?

– Не положено, – решительно отказался Андреевский. – Презентов не беру.

– Ну хоть бутылочку? – не успокаивался тот. – На пробу.

– Бутылку можно.

Водитель разрезал ножом покрытие одного из ящиков, почему-то не с краю, а в середине кузова. Извлек одну полулитровую бутылку, следом вторую и протянул таможеннику.

– Прошу вас.

– Спасибо, – достал из бумажника светло-коричневую лежавшую в отдельном кармашке банкноту и вручил.

– Ну что вы, не надо.

– Надо, – сурово молвил Андреевский. Развернулся и пошел.

Не увидел и не услышал, как оставшийся в кузове честный участник внешнеэкономической деятельности внимательно осмотрел банкноту, после чего набрал номер и произнес в трубку одно-единственное слово: «Порядок». Утер мигом взмокшую физиономию полой модной льняной рубашки, облегченно вздохнул и буквально сполз по брезенту на пол.

Глава 14

Отчизны верные сыны (продолжение)

Подполковник Андреевский терпеть не мог пустой суеты. Поэтому старался делать все спокойно и вдумчиво: трудиться, решать вопросы, если вдруг возникнут. Принимать решения. И даже управлять машиной.

Но именно сегодня быть образцовым водителем не хотелось. Так и подмывало резко ускориться, перейти в другой ряд, потом вдруг сбросить газ и двигаться дальше со скоростью страдающей ревматизмом черепахи. И все это время старательно отслеживать, не проявится ли наблюдение.

Делать всего этого он, конечно же, не стал. Разъяснили в свое время умные люди, что профессионально поставленную слежку у непрофессионала шансов обнаружить не больше, нежели протащить внаглую через таможенную вагон кокаина, оформленного как речной песок.

Поэтому его черный «Инфинити» двигался не быстро и не медленно, а как все, в общем потоке. Выехал на Кольцевую автодорогу и тут же встал, потом пополз. Василий Ильич курил, не чувствуя вкуса любимого виргинского табака, слушал музыку и не слышал ее. И думал, думал.

За все в этой жизни надо платить. За благосклонность высоких покровителей, хлебную должность, акции, деньги на номерных счетах, миллионную заначку в укромном месте. Отошедшие в результате как бы развода якобы экс-супруге (среди толковых и осторожных людей расторгать браки в последнее время вошло в моду) две квартиры в столице, загородный дом в Подмосковье и скромное двухэтажное жилище в одной из стран бывшей Югославии. За все и по полной, иначе навсегда выпадешь из обоймы, как давший осечку патрон. Незаменимых, как известно, не бывает, есть только до поры до времени не замененные. Вот и приходится отрабатывать милость уважаемых людей.

Две недели назад его вызвал, вернее, ласково пригласил к себе на Новозаводскую⁹ ОЧЕНЬ серьезный человек.

Угостил кофейком, поспрашивал о делах, даже сдержанно похвалил. Намекнул о перспективах. И тут у Андреевского встала торчком, фигурально выражаясь, на загривке шерсть. С какого это, спрашивается, перепуга начальник начальника его начальника вдруг возжелал встретиться и снизойти до личного общения с ним, мелким и незаметным винтиком в громадном, четко отлаженном механизме? О существовании которого он, можно ручаться, и знать-то до недавнего времени не знал. И ведать не ведал.

Оказывается, уважаемому человеку вдруг захотелось испить водички. Минеральной, без газа, строго определенного сорта, прибытие которой из Франции ожидалось буквально через несколько дней. В конкретной фуре и именно на руководимый Андреевским таможенный пост. Наслаждаться экологически вкусным напитком хозяин кабинета пожелал непременно у себя дома, куда его и следовало доставить. Лично.

– Пару бутылок, не больше, – сообщил вельможа и протянул сложенную вдвое потертую сторублевку. – Этого, думаю, хватит. – У подполковника хватило ума купюру принять и при этом не измениться в лице.

Потому что с ходу врубился, частью какой сложной и многоходовой операции только что стал и в какой узкий круг посвященных вошел.

Производители той самой водички уж точно в нем не состояли. Трудились себе, наполняли бутылки чистойшей, полезной для здоровья водой из-под крана, шлепали на них краси-

⁹ По этому адресу располагается ФТС РФ.

вые этикетки да расфасовывали по ящикам. И знать не знали, что в одной из следующих в Москву фур окажется ящик с двумя еле заметно помеченными бутылками. Впрочем, фирма-получатель тоже не догадывалась о том, что реальная стоимость находящегося в данном грузовике несколько превышает ее же, суммарную, всех прошедших через таможенный пост «Костровский» грузов. За пару-тройку недель, а может – и за весь месяц.

Все просто: бриллианты. Чистейшие, бесцветные, поэтому и незаметные в воде. Скорее всего, южноафриканские, хотя, может, и афганские, в последнее время кое-кто ухитрился тихонько наладить их добычу. До пяти каратов каждый, общей стоимостью от семи до десяти миллионов евро. Непонятно только, зачем кому-то понадобилось вернуться к забытым схемам девяностых. Интересно.

Впрочем, даже думать об этом не стоит, опасно. Да и вообще, начальство в подчиненных острый ум очень даже не ценит, а сметливость и бодрую оперативность в исполнении приказов приветствует.

Поток машин в очередной раз замер. Андреевский выключил бьющую по мозгам музыку, попил СОВСЕМ другой водички и, откинувшись на сиденье, принялся слушать, как орет на всю округу какой-то щекастый придурок из соседней «Бэхи»: «Девять лямов за гектар, смешная цена. Сергееич, там сейчас зе́мли под сельхозку, но за месяц переоформят как надо. Районные очень в теме. Не, ты прикинь, Сергееич...»¹⁰

Он вывернул с МКАД на загородное шоссе и опять угодил в пробку. На сей раз две блондинки, натуральная и крашенная, не поделили дорогу. Медленно объехал два, склежившихся, как собачки в процессе романтики, огромных внедорожника и покатил дальше, постепенно успокаиваясь.

Все, что должно было случиться, уже случилось. Он выполнил невинную УСТНУЮ просьбу хорошего человека. Тот человек об оказанной услуге тут же забудет, да и он ему никогда о ней не напомнит. Хотя теперь у него есть заветный номер, по которому в самом крайнем случае можно позвонить и напомнить о своем существовании. Не более одного раза. Вот и нечего брэнчать нервами, все будет нормально.

Где-то метрах в ста за «Инфинити» следовали темно-серый микроавтобус и грязно-зеленая «Нексия». Порой отставали и на большее расстояние. Могли себе это позволить: маршрут движения автомобиля подполковника четко прослеживался на закрепленных на торпедах экранах. Потому что еще утром кто-то оборудовал транспортное средство Андреевского маячком.

Дело в том, что один из тех, кто был в курсе всей операции, слишком возлюбил в последнее время расслабляться под спиртное с порошком да в приятной компании. А в расслабленном состоянии бывал говорлив. Однажды его услышали.

¹⁰ Автор лично имел удовольствие подслушать отрывок из этого интересного разговора. Хотя какое там к черту подслушать! Верещал тот мужчинка как Галкин-Малкин-Чалкин за гонорар, никого и ничего не стеснясь.

Глава 15

Криминально-эстетическая

– Еще раз повторяю, – хозяин скромного, шесть на восемь метров, кабинета неторопливо допил зеленый, естественно, чай и отставил чашку с блюдцем поближе к массивной латунной табличке «Не курить!», – никакие документы похищены не были. Да и не держу я дома ничего такого.

– Какого такого? – живо поинтересовался посетитель, представитель непонятно каких структур. Консультант, ко всему прочему, по должности.

– Серьезного, – поморщился потерпевший и тихонько вздохнул.

Личиком он удивительно напоминал хомячка, а костюмом и повадками – перешедшего на госслужбу успешного бизнесмена. Или не брезгующего бизнесом кадрового чиновника. Все они в наше время такие.

Сейчас на этом самом личике одновременно уживались скорбь и некоторое непонимание. Скорбь происходила от осознания потери, ибо позавчера его скромный, располагающийся неподалеку от Садового кольца, девятнадцатого века постройки особнячок самым наглым образом обнесли, причем кража состоялась ночью в присутствии мирно спящих хозяев и бдительно несущей службу охраны. Мигом растерявший привычный лоск, ее начальник схватился за сердце, потом, в боязни лишиться хлебной должности, сразу за два телефона.

И в итоге ее, конечно же, лишился. Потому что в таких случаях потерпевшему не следует орать на весь свет о постигшем его горе и уж ни в коем случае не ставить в известность об этом органы, почему-то считающие себя компетентными. Наоборот, требуется соблюдать тишину, как подводная лодка на грунте. Еще неплохо взять небольшую оперативную паузу. В таких случаях похититель часто сам выходит на связь и предлагает выкупить изъятое без спросу. А если не объявится, тогда уже ничего не остается, как самому выходить на знающих людей и начинать переговоры с торгами.

Причиной же непонимания послужили последующие события. Прибывшие по первому звонку опера из районной уголовки не успели ни пробежаться по многочисленным комнатам, ни прихватить сувениры на память, ни даже толком расположиться на месте преступления. Их быстренько выставили за дверь прискакавшие по второму звонку сыщики из МУРа. Тех, в свою очередь, тоже вскоре попросили на выход сотрудники ФСБ, заявившиеся по звонку номер три. Но и они недолго изображали там нечто, напоминающее работу. Через какой-то час в особняке появились непонятно кто, никем туда не вызванные. Их старший молча предъявил документы в развернутом виде. Обалдевшие фээсбэшники также без звука собрали бумаги и быстренько ушли. И началось...

Тщательный, буквально по сантиметру, осмотр дома. Изъятие всех документов и компьютеров, включая ноутбук сына-второклассника. Строгий, можно сказать, жесткий допрос прислуги и охраны. Длительная и скрупулезная, с постоянной сменой тем, беседа с потерпевшим. Удивительно напоминающая все тот же допрос.

И вот теперь визит этого вчерашнего непонятно кого, неизвестно откуда, теперь уже на работу к пострадавшему. Спасибо еще, что без бойцов с автоматами в масках и прочей сопутствующей физкультуры в виде раскладывания сотрудников на пол и расслабляющих ударов по почкам.

Хозяин кабинета, впрочем, был шит чем угодно, только не лыком, а потому ответил на хамство вполне симметрично. Для начала продержал наглого визитера минут тридцать в приемной, потом не счел нужным угостить чаем. Умный человек подобные намеки понимает. А дураков бьют.

– А что *несерьезного* вы храните дома, Владислав Леопольдович? – с настойчивостью осла гнул свою линию гость, коротко стриженный толстяк в оскорбляющих чиновный взгляд доспехах: куцей матерчатой куртке поверх серой футболки и джинсах.

Если приглядеться, впрочем, и не толстяк вовсе. Просто здоровенный мужик с широчеными плечами, грудной клеткой, как у гориллы, бычьей шеей и напоминающими медвежьи лапы ручищами. Хоть и с пузом.

– Послушайте, Александр, э?..

– Можно просто Александр, – еле заметно усмехнулся гость. Впрочем, добрая половина Москвы называла его Саней. Но господин потерпевший, видимо, относился, извините за пошлость, к другой части населения столицы. – Или можно по фамилии.

– И как ваша фамилия?

– Котов.

– Какую конкретно службу вы представляете, господин Котов?

– Государственную, Владислав Леопольдович, государственную, – еле заметно усмехнулся Котов. Понимающе и нахально.

Царево рабство на галерах вырабатывает у любого труженика стойкую привычку общаться исключительно на своем уровне. Сидящий перед ним деятель – тому пример. Небось, когда вскакивает чирей на заднице, звонит сразу министру здравоохранения, а если чадо принесет из школы двойку, выходит на министра образования. В самом крайнем случае – на их замов. Но не ниже. А тут какой-то консультант. Всего-навсего.

– Службных документов дома не держу, – почти по слогам проговорил для особо непонятливых хозяин кабинета по имени Владислав сын Леопольда. – У вас все?

– Почти. – По каким, непонятно, вопросам консультант изобразил слабую улыбку и сделал вид, что встает. – А, собственно, что у вас похитили?

– Фарфоровые статуэтки, – горько вздохнул хозяин кабинета. Почти всхлипнул. – Пять штук.

– Всего-то? – искренне удивился посетитель. С трудом сдерживаясь, чтобы не поинтересоваться, а не пропал ли заодно и ершик для унитаза.

– Вы не понимаете, – прозвучало в ответ голосом безутешной вдовы, буквально на похоронах поставленной в известность о том, что весь капитал и недвижимость по завещанию отходят приюту для мужей-рогоносцев. – Пять фарфоровых балеринок. Семнадцатый век, эпоха Людовика Тринадцатого Справедливого.

– Дорогие?

– Приобретены в позапрошлом году на «Сотбис» за четыре с половиной миллиона евро.

– Ого, – умилился Котов и даже спрашивать не стал, не на квартальную ли премию была сделана покупка. Или кредит коллекционер взял. Не девяностые годы на дворе, когда любой гопник в малиновом пиджаке из России запросто скупал все, на что глаз падал, и расплачивался наликом из мешка. Сейчас каждый, в подобных аукционах участвующий, оперирует только легальными деньгами.

– Не в этом дело. – Владислав Леопольдович достал из ящика стола сигарету и нервно закурил. – Просто таких статуэток больше ни у кого нет.

– Теперь уже есть.

– Вы правы. – Обокраденный любитель фарфоровых балеринок затаился и стряхнул пепел в чашку. – К сожалению.

– Кого-нибудь подозреваете?

– Нет, пока просто размышляю.

– Старинный фарфор, именно старинный, а не фигурки трактористов и доярок тридцатых годов выпуска, – вдруг выказал осведомленность незванный посланник государства. – На

Москве, не считая вас, собирают пятеро. Я имею в виду легальных коллекционеров. Каталоги, выставки, все такое.

– Признаться, не ожидал. – В крохотных глазах-бусинках отметился блеск. – Вы меня удивляете.

– Но есть и скромные любители, те, кто привык наслаждаться прекрасным за закрытыми дверьми и в одиночку, так?

– Именно, – ответил Владислав Леопольдович с грустью в голосе.

– Интересное дельце. – Александр, которого обычно называли Саней, захлопнул блокнот. – Но так как национальная безопасность не пострадала, нашу службу оно не интересует.

– А если бы пострадала?

– В таком случае я бы разыскал злодея.

– Уверены?

– Да.

– Тогда, может, ... – Владислав Леопольдович написал что-то на листе бумаги и передал сидящему поодаль. – Премия за результат. Найдите мне этого коротышку, и деньги ваши, обещаю.

– А почему вы назвали злодея коротышкой?

– Засветился под камерой.

– Вашей?

– Банка, что через дорогу. Видеонаблюдение в моем доме ему как-то удалось отключить.

– Это уже что-то, – поддержал совершенно его не интересующую беседу Саня. – Есть от чего плясать.

– Ну, так давайте спляшем. – Владислав Леопольдович заговорщицки подмигнул. – И возьмем этого недомерка.

– И все-таки почему вы его так называете?

– Все просто, герб на заборе, мимо которого проходил тот подонок, располагается на высоте полутора метров...

– Теперь понятно.

– Так, значит...

– К сожалению, не имею возможности, – развел руками Котов. – А почему вы не предложите премию операм с «земли»? За такие деньги они грунт будут рыть до самых недр.

– А, – махнул рукой потерпевший, – уже приходили, предлагали помощь. Выражали желание поработать.

– И?

– И с ходу принялись клянчить половину суммы на оперативные расходы. Сами понимаете...

– Понимаю. – Котов встал. – Примите от лица службы извинения за доставленное неудобство. Все документы и электронные носители информации будут сегодня же возвращены. Всего вам доброго. – И направился к выходу.

– А зачем вы все-таки сегодня приезжали?

– Хороший вопрос, – еле слышно отозвался, не оборачиваясь, консультант. – Если честно, и сам этого пока не знал.

Задавший вопрос ответ на него, конечно же, получит. Но немного позже.

Глава 16

Под скрип мозгов полет высокий мысли

Пешие прогулки полезны, это каждый знает. Вот и хожу я который уже час, с риском стереть ноги, вдоль увешанной картами, схемами, распечатками и даже метеосводками стены. Мысли думаю, планы планирую, варианты прикидываю. В общем, работу работаю. Аж мозги скрипят.

Все действия на объекте, включая скрытое проникновение туда, собственно работу и аккуратный, без лишнего шума и пыли, уход, иногда занимают считанные минуты. А вот на планирование операции порой уходят дни и недели напряженной работы. Если не месяцы.

Кто сказал, что государство – это мы? Государство – это нас. Но иногда все-таки и нам. Когда я ищачил на державу, она же мне во многом и помогала. При малейшей необходимости задействовались лучшие информаторы, аналитики с разработчиками и выделялись оперативники, сколько надо. В помощь и на подстраховку.

А нынче не так, как прежде. С тех пор как я заделался частником, все приходится делать самому. Анализировать информацию, делать корявые наброски, должны после стать планом. И конечно же, самому добывать всю или почти всю эту необходимую информацию. Или покупать. Ни на кого не надеяться и никому не верить. За очень редким исключением. Об этом как-нибудь потом.

Вот и приходится перелистывать в голове страницы давным-давно составленных конспектов и пытаться вспомнить, чему когда-то учили. Поначалу было, мягко говоря, трудновато, потом втянулся. И очень быстро поумнел.

С ужасом и нервным смехом вспоминаю сейчас, как лихо, нагло и бездарно прошел мой творческий дебют с тем самым полицаем. А потом – еще с одним. Потому что был и второй, после общения с которым я поклялся больше никогда не иметь дела с сотрудниками этого ведомства. Из опасения, что третий встреченный мной правоохранитель, просто из соображений элементарной логики, окажется не таким кретином, как двое предыдущих. И все закончится персонально для меня предельно грустно.

С номером вторым судьба свела меня сразу же после возвращения с югов. Если помните, я наградил себя внеочередным щедро оплаченным отпуском за успешное дело с соседом-полковником. В роли судьбы выступил сам будущий потерпевший.

Высоченный, тощий, с лицом хронического язвенника «пятнадцатилетний» капитан, наш участковый ко всему прочему. Как-то вечерком он заглянул ко мне домой, исключительно с целью познакомиться. Представился, предъявил свои и проверил мои документы, потом прошелся по комнатам, заглянул во все углы и напросился на чай. Точнее, распорядился подать его в гостиную. Между первой и второй чашкой (с бутербродами) и наехал на меня, как танк на клумбу.

– А ничего у тебя хата. Продать не желаешь? – лихо смолотил бутерброд и потянулся за следующим. – Хорошую цену дадут. – Я аж поперхнулся.

– Ну, не знаю. – Посещала меня в последнее время мысль о том, что неплохо было бы сменить место жительства, вот только не припомню, чтобы с кем-нибудь ею делился.

И тут он сделал мне то самое предложение, отказываться от которого себе дороже.

– Оружие или наркота?

– Не понял.

Вскоре, однако, уразумел. Капитан все просто и доходчиво объяснил. План ему, оказывается, сверху спустили: бороться, не щадя ни времени, ни живота своего, с незаконным оборотом наркотиков и торговлей оружием. И что-то ему подсказывало, что я серьезно замешан в том или другом. А то и в том и другом одновременно. И ежели заняться мной вплотную, то

неприменно отыщется либо наркота, либо стволы с патронами. Либо и то и другое. Тогда меня непременно закроют лет на много, а квартира уйдет, непонятно куда и к кому.

– А когда выйдешь на волю, и приткнуться будет негде, – облизнулся околоточный с намеком на продолжение банкета. – У тебя же ни папы с мамой, ни другой родни. Прямая тогда дорога на помойку. К бомжам.

– Почему именно я?

– Жизнь, брат, такая, – ласково похлопал он меня по плечу. – Да не бойсь ты, люди честные, не обидят.

Действительно, не обидели. Тетки из риелторской конторы, куда меня на следующий день отконвоировал добрейший капитан и где он вел себя как хозяин, договор подготовили заранее. И ободрали меня как липку, цену дали где-то вполвину от реальной. А он, гад такой, от нее еще пятнадцать процентов откусил наличными, персонально себе. За юридическое, видите ли, сопровождение сделки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.